

Послѣдніе годы жизни св. ап. Павла.

Первые римскія узы и причины ихъ продолжительности.

Призванный Господомъ Божиимъ быть свидѣтелемъ предъ всѣми народами земли и признанный въ такомъ назначеніи послѣдователями И. Христа (Дѣян. 13, 2. 3; 14, 26), ап. Павелъ съ удивительною ревностью и поразительно блестящими успѣхами уже пронесъ свое благовѣстіе по городамъ Малой Азии и Балканского полуострова во время своихъ первыхъ трехъ путешествій, о которыхъ намъ повѣствуетъ книга «Дѣяній Апостольскихъ». Ему оставалось теперь перенести свою проповѣдническую дѣятельность еще далѣѣ отъ начала возникновенія христіанства,—города Іерусалима. И онъ, руководимый промысломъ Божиимъ, чувствовалъ, что ему надлежитъ отправиться съ тою же самою проповѣдью въ Римъ, столицу великой Римской имперіи, а оттуда перейти и въ Испанию (Рим. 15, 24). Онъ сознавалъ необходимость этого путешествія и писать о немъ въ своемъ Посланиі къ римлянамъ, но не зналъ определенно, когда и при какихъ обстоятельствахъ ему удастся осуществить это его намѣреніе. Ранѣе онъ предполагалъ, что прибудетъ въ Римъ свободнымъ миссіонеромъ въ сопровожденіи своихъ спутниковъ и учениковъ, подобно тому какъ онъ совершилъ свои раннѣйшія миссіонерскія путешествія.

Но это желаніе и предположеніе хотя и осуществилось, однако совершенно при другихъ условіяхъ.—По проискамъ іерусалимскихъ іудеевъ онъ въ продолженіи уже двухъ лѣтъ былъ въ темничномъ заключеніи въ городѣ Кесаріи. За это время онъ потерялъ надежду на освобожденіе и на возможность свободного путешествія изъ одной мѣстности въ другую. Обстоятельства складывались такимъ образомъ, что заставляли думать о дру-

гомъ способъ исполненія своего давнишняго желанія посѣтить Римъ и Испанію.

Положимъ, онъ былъ узникомъ, оковы висѣли на его рукахъ и ногахъ, и темнічные стражи зорко наблюдали за всѣми его дѣйствіями. Но онъ вѣрилъ, что для слова Божія не можетъ быть узы; и неудобства жизни проповѣдника еще не составляютъ рѣшительныхъ препятствій для самаго дѣла проповѣди. Притомъ же онъ былъ ободренъ въ этомъ отношеніи самимъ Господомъ «Дерзай, Павель, говори глу Господь, явившійся въ іерусалимской крѣпости, дерзай, ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ свидѣтельствовать и въ Римѣ» (Дѣян. 23, 11). По этому слѣдуетъ думать, что рѣшился отшрвиться въ Римъ въ качествѣ узника созрѣла у ап. Павла постепенно въ продолженіи его темнічнаго заключенія. Только при условіи его требованія апелляціоннаго суда у римскаго императора онъ могъ навѣрное расчитывать попасть въ Римъ, хотя бы и узникомъ, а въ дальнѣйшемъ онъ ожидалъ руководительства Божія. И его рѣчь предъ Фестомъ, которую онъ произнесъ при своемъ допросѣ, съ его стороны была такимъ образомъ выраженіемъ постепенно, но твердо, созрѣвшаго рѣшенія. Когда проконсулъ Фестъ приступилъ къ предварительному ознакомленію съ дѣломъ ап. Павла и, выслушавъ всѣ обвиненія на него со стороны іудеевъ, предложилъ ему для окончательного судопроизводства отправиться изъ Кесаріи въ Іерусалимъ, то апостоль совершилъ сознательно и обдумано сказалъ ему: «Я стою передъ судомъ кесаревымъ, гдѣ и слѣдуетъ быть судимымъ. Іудеевъ я ничѣмъ не обидѣль, какъ и ты хорошо знаешь. Ибо если я не правъ и сдѣлать что-либо достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нѣть, въ чёмъ сіи меня обвиняютъ, то никто не можетъ выдать меня имъ. Требую суда кесарева» (Дѣян. 25, 10. 11.) Тогда Фестъ, поговоривъ съ своимъ соѣтомъ, отвѣчалъ: ты потребовалъ суда кесарева, къ кесарю и отправишися» (ст. 12). Требование ап. Павла суда кесарева было равносильно требованію перенести все судопроизводство въ Римъ на волю и рѣшеніе самого римскаго императора. Такъ отнесся и Фестъ къ этому апостольскому требованію, и, такимъ образомъ, путешество ап. Павла въ Римъ съ этого времени было вполнѣ обеспечено. Оно дѣйствительно и совершилось, по повѣствованію «Дѣяній», вскорѣ же поѣхъ предварительного судебнаго разбирательства въ томъ же 60 году, захвативъ и начало 61 года.

Согласно съ заявленной апелляціей прибывшій въ Римъ ап. Павель долженъ былъ предстать на судѣ къ самому императору,—такъ полагалось по дѣйствующимъ законамъ Римской имперіи. Дѣло ап. Павла должно было быть снова пересмотрено самимъ императоромъ съ его государственнымъ совѣтомъ. Но императоры не всегда имѣли желаніе и возможность сами

лично разматривать дѣла по всѣмъ апелляціямъ. Очень часто случалось, что разсмотрѣніе апелляціи передавалось не въ государственный императорскій совѣтъ, но сенату, префекту преторіи или префекту города. Такъ случилось и съ дѣломъ ап. Павла. Оно не попало въ руки самого императора, а потому и не могло быть рѣшено вскорѣ. Какъ можно заключать на основанії повѣствованія «Дѣяній», дѣло ап. Павла было передано префекту преторія, которымъ въ то время былъ Бурръ, человѣкъ честный и справедливый. Самъ по себѣ онъ вѣроятно скоро бы рѣшилъ дѣло ап. Павла, и великий миссіонеръ скоро бы получилъ желаемую свободу, но обстоятельства того времени совершили не благопріятствовали правильному и быстрому судопроизводству. Бурръ въ это время завѣдывалъ не только военнымъ дѣломъ г. Рима, но и вмѣсть съ Сенекою былъ приближеннымъ совѣтникомъ императора Нерона. Такимъ образомъ на нихъ двоихъ лежалъ весь ходъ государственного управления, а кромѣ того они должны были счи-таться и со всѣми проявленіями безразсудства жестокаго и развратнаго императора. Бурру рѣшительно некогда было обратить свое вниманіе на ап. Павла, бѣднаго и незнанаго іудейскаго узника; у него ежедневно были на очереди болѣе неотложныя дѣла государственной важности или важности вслѣдствіе ихъ отношенія къ личности императора.

То приготовлялись къ убийству матери императора Агриппины, а когда матероубийство было совершено Аплустомъ, начались безумства Нерона въ другихъ областяхъ: въ области пиришествъ, цирковыхъ представлений и музыкальныхъ артистическихъ состязаній, въ которыхъ императоръ хотѣлъ первенствовать и получать вѣнки и похвалы.

Поэтому префектъ Бурръ передалъ дѣло ап. Павла другому префекту, префекту города, которымъ въ то время былъ Педаний Секундъ (Taц. 14, 53). Это болѣе соотвѣтствуетъ и дѣлу ап. Павла, обвиняемаго скорѣе всего въ нарушеніи общественнаго спокойствія своею религіозною проповѣдью, чѣмъ въ какомъ-либо уголовномъ или дисциплинарно-военномъ преступленіи. Съ такимъ предположениемъ вполнѣ согласуется и, повидимому, случайное дополнительное замѣчаніе Дѣяпіателя, что сотникъ другихъ узниковъ прибывшихъ въ Римъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ передалъ военачальнику, а самому апостолу позволилъ жить особенно вмѣстѣ съ воиномъ стрекущимъ его (Дѣян. 28, 16). И ап. Павель, какъ обѣ этомъ повѣствуетъ Дѣяпіатель, помѣстился не въ преторіанскихъ казармахъ, а въ городской гостиницѣ, такъ что іудеи, желавшіе вести съ нимъ религіозныя бесѣды, въ назначенный день свободно пришли къ нему; и онъ до вечера излагалъ имъ ученіе о царствіи Божіемъ (Дѣян. 28, 23).—Только при допущеніи назначенія дѣла ап. Павла къ слушанію и разбирательству у префекта города возможно объясненіе той свободы, которою пользовался

апостолъ во всѣ два года своихъ римскихъ узъ, живя на своеемъ собственномъ изживеніи и принимая всѣхъ приходившихъ къ нему.

Почему же, въ такомъ случаѣ, дѣло ап. Павла не получало такъ долго окончательного разрѣшенія?—Причиною этого было слѣдующее. Первое это то, что для—судопроизводства по дѣлу ап. Павла, какъ и по всякому дѣлу, согласно съ требованіемъ римского судебнаго права, требовалось собрать всѣ показанія со стороны обвиняемаго и его обвинителей. Обвиняемый, ап. Павелъ, былъ на лицо; онъ могъ дать всѣ нужныя объясненія и показанія. Но приходилось ждать дачи показаній со стороны его обвинителей іудеевъ. Какъ видно изъ повѣстованія «Дѣяній», когда ап. Павелъ послѣ своего продолжительного морскаго путешествія прибылъ наконецъ въ Римъ, здѣсь отъ римскихъ іудеевъ онъ узнаетъ, что тѣ рѣшительно ничего не знаютъ ни о немъ, ни о его дѣлѣ, по которому онъ прибылъ въ Римъ. Значить, обвинители апостола еще не успѣли прибыть изъ Иерусалима,—иначе они давно бы постарались настроить іудеевъ столицы противъ апостола языковъ, ухудшить его положеніе и воспрепятствовать дѣлу его проповѣди. Но, конечно, это замедленіе не могло продолжаться долго. Ревность іудеевъ къ ихъ религіи и злоба противъ ап. Павла вѣроятно побудили и ихъ поскорѣе прибыть въ Римъ и покончить здѣсь съ ненавистнымъ имъ проповѣдникомъ христіанства. Впрочемъ и ихъ прибытие не составляло всего въ судопроизводствѣ апостола. Достаточность ихъ уликъ противъ апостола должна была послужить поводомъ къ произнесенію обвинительного приговора, а недостаточность—побудить судей рѣшить дѣло въ благопріятномъ для апостола смыслѣ или же, по требованію обвинителей, отложить окончательное рѣшеніе до будущаго. Это послѣднее и случилось. Не достигнувъ своей цѣли, — смертнаго приговора надъ апостоломъ, іудеи потребовали отложить окончательное рѣшеніе на нѣкоторое время, въ которое они надѣялись усилить свои обвиненія. А можетъ быть они расчитывали на дѣйствіе подкупа. Этимъ послѣднимъ средствомъ іудеи никогда не пренебрегали, не могли они упустить его изъ виду и въ данномъ процессѣ. И это казалось имъ тѣмъ болѣе возможнымъ, что должностъ городскаго префекта занималъ тогда Педаний Секундъ, человѣкъ не отличавшійся особенною честностію и доступный подкупу. Такъ по крайней мѣрѣ даетъ право судить о личности Педания Секунда историкъ Тацитъ (14, 42). Но почему въ такомъ случаѣ іудеи пользовались подкупнотою префекта, не добились совершенного осужденія апостола языковъ?—Этому могло воспрепятствовать съ одной стороны безсовѣтность Педания Секунда, съ другой сущность процесса апостола Павла. Педаний Секундъ бралъ взятки съ іудеевъ и однако не считалъ себя обязаннымъ исполнять ихъ

требованія. Онъ полагалъ достаточнымъ и того, что продолжалъ держать въ заключеніи ненавистнаго имъ, человѣка и думалъ и еще поживиться на ихъ счетъ. Къ тому-же, получивъ отъ Феста очень благопріятный отзывъ объ ап. Павлѣ, онъ не могъ рѣшить порученное ему дѣлу обвиненіемъ этого послѣдняго. Ап. Павелъ мало того что представлялся Педанію Секунду совершенно правымъ и незаслуживающимъ наказанія по недоказанности обвиненій, но, какъ римскій гражданинъ, даже могъ расчитывать на снисхожденіе. Изъ практики римскаго судопроизводства намъ хорошо известно, что римская правительственная и судебная власть очень рѣдко поступалась привилегированными членами государства, и только лишь особенно воинскія преступленія заставляли произносить обвинительные приговоры противъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ. А ап. Павелъ съ его правомъ римского гражданства несомнѣнно и долженъ былъ казаться заслуживающимъ снисхожденія сравнительно съ его обвинителями — простыми палестинскими юдеями.

Освобожденіе изъ узъ ап. Павла.

Однако апостолу языковъ пришлось бы долго еще ждать окончательнаго рѣшенія по своему дѣлу, если бы не произошло перемѣны въ представителяхъ судебной власти.—Въ половинѣ 62 года, —такъ нужно полагать по сказанію Тацитовой лѣтописи,—Педаній Секундъ былъ убитъ своимъ рабомъ. На мѣсто его было назначено другое лицо, и въ ходѣ судебнаго процесса ап. Павла должна была наступить перемѣна. Перемѣна эта дѣйствительно наступила и при томъ къ лучшему. Объ этомъ даетъ намъ знать самъ ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ къ Филиппійцамъ и Филимону, которыя написаны имъ около половины 62 года.—Первоначально вѣсть о смерти Педанія Секунда не должна была особенно обрадовать апостола Павла. Нельзя было предаваться радостной надеждѣ только вслѣдствіи простой смѣны одного должностнаго лица другимъ. И другое могло быть такимъ же, какимъ было первое, и даже еще хуже, еще болѣе несправедливымъ. Ап. Павла въ его тогдашнемъ положеніи могло обрадовать и обнадежить лишь болѣе опредѣленное извѣстіе о назначеніе на мѣсто Секунда лица извѣстнаго своею честностю и неподкупностю. И должно быть апостоль въ своемъ заключеніи получилъ такого именно рода извѣстіе. Когда онъ услыхалъ объ этомъ отъ своихъ друзей и послѣдователей, то душа его исполнилась радостною надеждою. Ему вспомнились тогда основанныя имъ христіанскія общины; пришли ему на память тѣ бѣды, опасности и испытанія, которымъ подвергались эти еще не окрѣпшія въ христіанской доктринѣ и нравственности общества; и у него тотчасъ же явилась мысль, какъ только онъ освободится изъ

римскихъ узъ, то тогда же предприметъ путешествіе туда, гдѣ такъ нуждались въ его личномъ присутствіи. И онъ сейчасъ же пишетъ своимъ щедрымъ и возлюбленнымъ филиппійцамъ: «я вѣрно знаю, что останусь живымъ и пребуду со всѣми вами для вашего успѣха и назиданія въ вѣрѣ, дабы похвала ваша во Христѣ Иисусѣ умножилася чрезъ меня при моемъ вторичномъ къ вамъ пришествії» (Филип. 1, 25, 26).

Здѣсь пока высказывается простое ожиданіе, личная надежда апостола. Повидимому у самого ап. Павла не было твердыхъ и вѣрныхъ фактовъ, подтверждавшихъ эту надежду на освобожденіе. Но они нашлись, когда онъ писалъ свое посланіе къ Филимону. Вѣроятно къ этому времени новый префектъ успѣлъ заявить себя съ хорошей стороны; можетъ быть уже происходило судебное разбирательство предъ этимъ новымъ судьею; и ап. Павель вынесъ благопріятное впечатлѣніе изъ зала суда. Но крайней мѣрѣ въ посланіи къ Филимону онъ высказываетъ не только надежду на освобожденіе, но и свое прямое намѣреніе перезимовать въ совершенно другой, чѣмъ Римъ, мѣстности. Онъ пишетъ Филимону: «приготовь для меня и помѣщеніе; ибо надѣюсь, что по молитвамъ вашимъ я буду дарованъ вамъ (ст. 22)».

Все-таки и при такомъ положеніи вещей было трудно разсчитывать на скорое освобожденіе. Обстоятельства того времени были такого рода, что заставили забывать о незначительномъ дѣлѣ іудейского узника. Въ концѣ 62 или въ началѣ 63 года произошла загадочная смерть префекта Бурра. Его мѣсто заняли Фелій Руфъ и Софоній Тигеллинъ; изъ которыхъ послѣдній, по отзыву Тацита, имѣлъ особенное вліяніе на императора Нерона, какъ соучастникъ самыхъ тайныхъ его наслажденій, и отличался крайнимъ безстыдствомъ и безнравственностью (14, 53). Вмѣстѣ съ тѣмъ поколебалось положеніе благороднаго философа Сенеки и прекратилось его благотворное вліяніе на Нерона; тогда же произошло удаленіе первой супруги Нерона Октавіи и ея насильственная смерть, за которуюю послѣдовала его женитьба на развратной Поппеѣ, бывшей виновницею многихъ казней и ссылокъ. Все это представляло слишкомъ много препятствий для правильного хода государственного управления и судопроизводства; и ап. Павлу, можетъ быть, еще долго пришлось бы ждать осуществленія своей надежды и своихъ обѣщаній.

Но къ этому времени, въ началѣ 63 года, произошло одно событие, которое имѣло рѣшительное Нерона вліяніе на дальнѣйшую судьбу ап. Павла,—именно рожденіе дочери отъ супруги Поппеи. По извѣстію Тацита Неронъ былъ очень радъ этому событию и предписалъ блестящія торжества и празднества (Тац. 15, 23). Вполнѣ естественно ожидать, что подобнаго рода торжества не прошли безслѣдно для узниковъ Рима и въ частности для ап. Павла. Суды также хотѣли чѣмъ-нибудь озна-

меновать свою радость по поводу рожденія царской дочери. Этимъ способомъ они не только могли выразить свое дѣйствительное душевное настроение, но и поддѣлаться подъ общее настроеніе и тѣмъ самымъ выставить себя предъ высшимъ начальствомъ и императоромъ. Поэтому судопроизводство того времени сдѣлалось болѣе синходительнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ высшіе начальники и безъ суда оправдывали заключенныхъ и отпускали ихъ на свободу. Такое дѣйствие римской власти вполнѣ было возможно по отношенію къ ап. Павлу. Онъ былъ по рожденію римскій гражданинъ, его преступление было совершенно непонятно для безрелигіозныхъ римлянъ того времени, и его узы продолжались не болѣе какъ по недоразумѣнію и по могущественному дѣйствію іудейскихъ подкуповъ. Это послѣднее обстоятельство было не безъизвѣстно новому префекту города, и онъ, отличая ап. Павла отъ другихъ порученныхъ ему узниковъ, отпустилъ его на свободу, не дожидалась пока іudeи сами оставятъ его въ покой.

Это освобожденіе произошло, какъ нельзя во время.—Если бы ап. Павелъ не былъ освобожденъ въ началѣ 63 года, то едва-ли онъ успѣлъ освободиться послѣ: его пребываніе въ римскихъ узахъ, по всей вѣроятности, окончилось бы смертию.—Въ этомъ, именно, году прибылъ въ Римъ Іосифъ Флавій. Въ его біографіи мы читаемъ: «на 26 году жизни случилось мнѣ быть въ Римѣ... Поселившись въ городѣ Диксархіи, который итальянцы называютъ Путеолами, я вошелъ въ дружбу къ Алитуру. Это былъ комедіантъ, родомъ іудей, бывшій въ великой милости у Нерона. И, сдѣлавшись чрезъ него хорошо извѣстнымъ кесаревої супругѣ Поппеѣ, прежде всего я постарался своими просыбами къ ней исходитьствовать освобожденіе іудейскимъ священникамъ. А получивъ отъ нея кромѣ сей милости великіе дары, возвратился въ свое отчество» (Жизн. Іос. Флав. 3). — Какъ видно, въ это, описываемое I. Флавіемъ, время іудеи снова пріобрѣли возможность воздѣйствовать на распоряженія римской власти чрезъ Поппею, чего не было нѣсколько ранѣе. Теперь тѣ самые священники, которые были освобождены по просыбѣ Іосифа, могли бы настаивать на казни ап. Павла, если бы онъ еще не былъ освобожденъ до того времени. Но Богъ хранилъ своего ревностнаго миссіонера,—къ этому времени онъ былъ уже освобожденъ отъ узъ, и по своему желанію могъ выбыть изъ Рима и предпринять новое путешествіе для распространенія и укрѣпленія евангельского благовѣстія среди человѣческаго рода.

И апостолъ не медлилъ своимъ отбытіемъ изъ Рима. Кромѣ того, что ему могла грозить здѣсь опасность нового тюремнаго заключенія, его влекло отсюда и желаніе видѣть своихъ чадъ по вѣрѣ во Христа Іисуса. Его поспѣшное отбытіе изъ Рима тѣмъ болѣе очевидно, что и для него самого была совершенно ясна бесполезность его дальнѣйшаго пребыванія здѣсь. На-

строеніе жителей города Рима, начиная съ главы государства и кончая бѣднѣйшимъ пролетаріатомъ, было рѣшительно не-подходящимъ къ выслушиванію и воспріятію апостольской проповѣди о покаяніи и самоисправленіи. Постоянныя празднства, постоянныя цирковыя зрѣлища, публичныя повсемѣстныя молебствія и жертвоприношенія, о которыхъ говорить Тацитъ, должны были заглушать тихую проповѣдь христіанства. И самое лучшее, что могъ сдѣлать ап. Павелъ, такъ это—благоразумно удалиться на время изъ того новаго потерявшаго и умъ и сердце Вавилона въ другія болѣе благопріятныя для проповѣди мѣста, удалиться съ намѣреніемъ снова прибыть сюда, когда здѣсь сколько-нибудь поутихнутъ радостныя народныя неистовства или, по крайней мѣрѣ, человѣческія души настолько пресытятся ими, что станутъ доступны другому противоположному вліянію.—Такъ ап. Павелъ тотчасъ же послѣ своего освобожденія, т. е. ранней весною 63 года, выбылъ изъ Рима.

Выбытіе изъ Рима.

Куда же и съ кѣмъ направился великий миссіонеръ, вновь почувствовалъ себя свободнымъ, увидя снова полную возможность свободно располагать своими дѣйствіями? Куда? — разумѣется на востокъ отъ Рима, туда, куда прибыть онъ обѣщался въ своихъ посланіяхъ, и куда его влекло желаніе видѣть своихъ духовныхъ чадъ.

Онъ распостился съ римскими христіанами, сѣлъ въ остийской гавани на карабль и, по Тиренскому морю, мимо береговъ Италии, направился почти по тому же самому пути, по которому онъ прибылъ сюда. Только теперь была существенная разница въ его положеніи. Тогда онъѣхалъ изъ своей родной страны, єхалъ изъ тѣхъ мѣсть, гдѣ онъ успѣлъ уже много потрудиться, єхалъ притомъ узникомъ въ сопровожденіи стражи воиновъ, и, вѣроятно только съ двумя спутниками—сотрудниками: Аристархомъ и Лукою. Теперь онъ єхалъ изъ возжеленного прежде Рима, єхалъ на свой родной востокъ, въ мѣстности ему болѣе или менѣе извѣстныя, єхалъ совершенно свободнымъ, — не въ сопровожденіи воиновъ, но вмѣстѣ съ дорогими и близкими лицами, которые также, какъ и онъ, радовались наступившей свободѣ, радовались предстоящей свободной миссіонерской дѣятельности, радовались будущему свиданію съ родными и знаемыми.

Кто были эти спутники ап. Павла? Можно думать, что ими были все тѣ апостольские спутники, которые, прибывъ съ востока въ Римъ, находились здѣсь вмѣстѣ съ апостоломъ въ послѣднее время его узническаго пребыванія. А изъ посланія къ Филимону мы узнаемъ, что съ ап. Павломъ при написаніи имъ этого посланія были Епафрасъ, Маркъ, Аристархъ, Димасъ

и Лука (ст. 23). Каждый изъ этихъ апостольскихъ сотрудниковъ имѣлъ болѣе или менѣе сильное желаніе побывать на востокѣ и тѣ или другія побужденія и причины для выполненія этого желанія. Потому они рады были слушаю и съ большою охотою сдѣлялись спутниками апостола, своего друга и наставника. Но были-ли среди этихъ спутниковъ Тимофея и Титъ? Несомнѣнно были и они вмѣстѣ съ апостоломъ. Они были самыми любимыми, полезными и дѣятельными его сотрудниками, и онъ разлучался съ ними только въ крайней нуждѣ. Съ Титомъ онъ разстался только лишь тогда, когда нужно было оставить его въ Критѣ, гдѣ нуженъ былъ мудрый руководитель и твердый устроитель вновь основанной, но еще несовершенной, церкви. Тимофея же ап. Павелъ только лишь послѣ оставилъ въ Ефесѣ, сдѣлавъ его епископомъ этого города, христіане которого, живя въ большомъ торговомъ языческомъ городѣ, нуждались всегда въ особенно строгомъ наблюденіи за правильнымъ развитіемъ ихъ внутренней христіанской жизни.

Итакъ, общество христіанскихъ проповѣдниковъ, отиравшихся изъ Рима на востокъ, состояла изъ самого апостола и его семи сотрудниковъ.

Посѣщеніе о. Крита.

Какія же мѣстности намѣревался посѣтить освобожденный апостоль? Не думаль-ли онъ посѣтить Иерусалимъ, эту колыбель христіанства? Сюда онъ когда-то сѣшилъ, возвращаясь изъ своего третьяго миссіонерскаго путешествія, сюда заходилъ онъ послѣ второго и послѣ первого. Можетъ быть и теперь послѣ пребыванія въ Римѣ, послѣ выполненія своего давнишняго желанія проповѣдывать въ этомъ многолюдномъ городѣ, онъ также рѣшилъ посѣтить славный Иерусалимъ, зайти въ немъ въ храмъ Божій, вознести здѣсь благодарственныя Господу Богу молитвы и посмотреть здѣсь всѣ тѣ мѣста, которыя были освящены пребываніемъ самого Иисуса Христа во время Его земной жизни.—Можетъ быть это желаніе и было у апостола, только ему несуждено было осуществиться.

На этомъ пути на востокъ путешественникамъ пришлось проѣзжать мимо о. Крита. Ап. Павелъ вспомнилъ о своемъ кратковременномъ, бывшемъ два года тому назадъ, пребываніи въ одной изъ его гаваней по случаю караблекрушенія, вспомнилъ и о своемъ сильномъ тогдашнемъ желаніи сойти на его берегъ, побывать подольше среди его жителей и заняться просвѣщеніемъ ихъ свѣтомъ христіанской истины. Но въ то время его желанію было не суждено осуществиться; онъ былъ тогда подневольнымъ узникомъ и обязанъ былъ слѣдовать туда, куда повлекутъ его приставленные къ нему воины. А сотникъ Юлій, вмѣстѣ съ начальникомъ корабля рѣшили

выплыть изъ этой гавани, въ которую ихъ занесла буря, и поискать другой болѣе удобной; но буря помѣшила этому ихъ намѣренію, и корабль попалъ на отдаленный отъ Крита о. Мелитъ. (Дѣян. 27 гл.)

Вотъ теперь апостолъ снова проѣзжаетъ мимо того же Крита. Теперь онъ былъ свободенъ располагать своими дѣйствіями, и могъ высадиться на берегъ, если ему было это желательно. Но можно-ли сомнѣваться въ этомъ желаніи апостола, можно-ли предполагать, чтобы ревностный апостолъ языковъ проѣхалъ мимо большого и густо населенного острова и не пожелалъ и не попытался и его жителей просвѣтить своею проповѣдью, зная, что здѣсь еще никѣмъ не было проповѣдуемо имя Христово? -- Нѣть! Апостолъ долженъ быть вмѣстѣ съ своими спутниками высадиться на интересовавшій его и ранѣе о. Критъ.

Кромѣ того вполнѣ возможно, что корабль, на которомъ ѿхалъ ап. Павелъ, имѣлъ нужду заѣхать въ какую-либо гавань Крита по своимъ торговымъ дѣламъ и независимо отъ желанія своихъ пассажировъ.—Междѣ знаменитыми и богатыми городами сѣвернаго берега Крита, снабженными удобными гаванями, былъ г. Кидонія, нынѣшняя Канія. Къ ея то гавани, проѣхавши мимо мысовъ Корика и Пеака, и присталь корабль ап. Павла. Еще не высаживаясь на берегъ путники могли любоваться живописною природою острова, красивыми видами горъ, особенно возвышавшейся надъ всѣми другими горы Иды, понынѣщнему Псиларитиса, привлекательною панорамою небольшихъ рѣчекъ, часто прорѣзывающихъ островъ по направлению къ морскому берегу, и украшенныхъ то подступающими къ ихъ берегамъ лѣсами, то растянувшимися городами и селеніями. Въ самой гавани и особенно въ городѣ высадившихся путниковъ ожидали толкотня и шумъ обширной торговли и говоръ многочисленной толпы, состоявшей изъ людей разныхъ племенъ и народностей. Куда было дѣться впервые прибывшимъ проповѣдникамъ христіанства? гдѣ на первый разъ остановиться для отдыха, къ кому обратиться за первыми необходимыми свѣдѣніями объ островѣ, о томъ городѣ, о его жителяхъ и о ихъ интересахъ?

Если изъ спутниковъ ап. Павла были такие, которыми ранѣе пришлось побывать на островѣ, у которыхъ могли быть, такимъ образомъ, знакомства, то положеніе проповѣдниковъ значительно облегчалось. Но если этого и не было, если всѣ спутники апостола только впервые заявились на тотъ языческій островъ, то и тогда они не были лишены всѣхъ руководствъ въ своемъ новомъ положеніи.—Во всякомъ случаѣ на о. Критѣ были іudeи разсѣянія, были даже и прозелиты. По крайней мѣрѣ въ кн. «Дѣяній» мы находимъ упоминаніе о критянахъ, посѣшившихъ Іерусалимъ во времена праздничныхъ религіозныхъ іудейскихъ торжествъ (2,11). Къ

этимъ-то іudeямъ и прозелитамъ, какъ къ своимъ соплеменникамъ и единовѣрцамъ и могъ обратиться ап. Павель.

Ему уже не первый разъ приходилось быть въ такомъ положеніи, и не въ первый разъ онъ былъ вынуждаемъ отыскивать своихъ единоплеменниковъ; его прошедшая миссионерская практика была богата подобными случаями, и онъ уже узналъ, какъ нужно было поступать ему. — Ап. Павель, приходя въ новый, еще незнакомый ему, городъ, по извѣстію Луки, обыкновенно заявлялся къ іudeямъ и, если было можно, то прямо въ синагогу. Но этого послѣдняго можно и не предполагать по отношенію къ посѣщенію ап. Павломъ о. Крита. Ап. Павель къ этому времени уже оканчательно убѣдился, что іудеи своимъ упорствомъ, своимъ противленіемъ проповѣди христіанства лишили себя того права, признавая которое, апостоль прежде обращался сначала къ нимъ, а потомъ уже къ язычникамъ. Умудреный опытомъ, онъ теперь съ большою надеждою на успѣхъ обращался къ прозелитамъ іудаизма; они всегда оказывались болѣе доступными христіанской проповѣди. Поэтому, прибывши въ г. Кандію, апостоль вмѣстѣ съ своими спутниками помѣстился въ какой либо общественной гостинице, которыхъ должно быть немало въ этомъ греческомъ торговомъ городѣ. Отсюда онъ могъ навести справки, здѣсь же онъ даже могъ начать и свои проповѣднические труды. А такъ какъ съ необходимостію нужно предполагать, что на о. Критѣ христіанство къ этому времени было небезызвѣстно, то въ лицѣ этихъ первохристіанъ апостолъ нашелъ какъ-бы переходную ступень къ общей массѣ тамошнихъ жителей. Такимъ образомъ апостольская проповѣдь о христіанскихъ истинахъ имѣла первыхъ своихъ слушателей среди тѣхъ іудеевъ, или прозелитовъ-грековъ, которые удостоились слышать и кое-что воспринять изъ новой христіанской религіи въ самой Палестинѣ или отъ самихъ апостоловъ или отъ ихъ учениковъ и послѣдователей. Ихъ христіанскія понятія были не полны, ихъ познанія неясны и благодатные дары христіанскихъ таинствъ не могли быть получены ими во всей полнотѣ. Поэтому надлежало первѣе всего заняться довершениемъ ихъ христіанского религіознаго просвѣщенія и преподать имъ христіанскія таинства. Примѣръ такой постепенности въ раскрытии апостольской проповѣди мы можемъ наблюдать, по повѣствованію кн. «Дѣяній», на проповѣднической дѣятельности св. ап. Павла въ Ефесѣ, гдѣ онъ, найдя нѣкоторыхъ учениковъ, крещенныхъ крещенiemъ Іоанновымъ, началъ ее именно съ того, что, крестивъ ихъ крещенiemъ христіанскимъ, возложилъ на нихъ руки для сообщенія даровъ Св. Духа. Какъ въ Ефесѣ, такъ, вѣроятно, и въ Кидоніи дальнѣйшія свои дѣйствія апостоль сообразовались съ тѣми свѣдѣніями, которыя могли сообщить ему киндскіе первохристіане. Чрезъ нихъ апостолъ могъ ознакомиться съ положеніемъ города и съ характеромъ его народо-

населенія, что для него было вполне необходимо. Онъ осмотрѣлъ всѣ языческіе храмы, побывалъ на рынкахъ и торжищахъ, заходилъ и въ общественные суды. Благодаря этимъ посѣщеніямъ и распросамъ онъ узналъ о характерѣ и нравахъ жителей, о ихъ племенномъ составѣ, о ихъ религіи и общественныхъ обычаяхъ, и т. п. И въ умѣ апостола постепенно создавался образъ критянина, которому онъ долженъ былъ проповѣдывать евангеліе. Со временемъ обращенія о. Крита въ въ римскую провинцію его жители опустились нравственно и пріобрѣли дурную славу лжецовъ и обманщиковъ.

Поэтому ап. Павлу при проповѣди христіанскихъ истинъ приходилось бороться не только съ прежними религіозными языческими убѣжденіями, но и съ самою испорченностью человѣческой природы. Языческая религія критянъ, ослабленная знакомствомъ съ другими религіями и увлечениемъ практическими жизненными интересами и погоней за удовольствіями, не могла быть особенно сильнымъ препятствиемъ распространенію христіанства.

Болѣе сильное и почти единственное препятствіе составляла та испорченность критскаго общества, которая была поразительна даже и въ то безнравственное и безпринципное время. Въ города Крита стекалось все худое изъ Европы, Азіи и Африки и находило благопріятную почву для своего дальнѣйшаго развитія.

Превосходный здоровый климатъ, обилие плодовыхъ деревьевъ всяко го рода, плодородіе почвы, наконецъ, выгодная торговля, все это было причиною развитія среди критянъ особенной чувственности. Самъ ап. Павель, вообще кроткій и снисходительный къ порокамъ и недостаткамъ людей и терпимый къ ихъ заблужденіямъ, готовый всегда прощать имъ слабости ихъ немощной человѣческой природы, произносить очень суровый приговоръ о нравственномъ достоинствѣ критянъ. Именно, когда ему пришлось впослѣдствіи писать о нихъ Титу, и когда ему припоминалось все то зло, съ которымъ ему самому нужно было бороться на о. Критѣ, онъ совѣтуетъ своему ученику строго обличать критянъ, чтобы они здравы были въ вѣрѣ; и это потому, что критяне по своему внутреннему состоянию и душевному настроенію совершенно особенные люди: они всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивья (1, 12, 13). Въ дѣлѣ распространенія христіанства и вдоворенія христіанской нравственности какъ Титу, такъ ранѣе и самому апостолу приходилось прежде всего преодолѣвать косность природы критянина (утробы лѣнивья), возвбудить въ немъ интересъ къ нуждамъ его души и подвигнуть его къ дѣятельному отношенію къ его собственнымъ духовнымъ потребностямъ. Освобожденный отъ душевной косности и беспечности, критянинъ нуждался въ помощи и руководствѣ при исправлении его дурной извращенческой природы, воспитанной въ эгоизмѣ, плотоугодіи и

жестокости (злые звѣри). За нимъ нуженъ быть постоянный строгий надзоръ. Его изолгавшаяся природа, укоренившееся и какъ бы узаконенное общемъ обычаемъ стремление обманывать другихъ, все это требовало самого внимательного отношенія къ его нравственно-религіозному состоянію. Не возможно было безъ строгаго испытанія вѣрить его обращенію, его раскаянію и его обѣщанію оставить свои прежніе языческіе заблужденія и пороки. И должно быть апостолу не разъ приходилось сталкиваться съ этою коренною испорченностью критянина. Вѣроятно среди его обращенцевъ и даже учениковъ находились такие которые, послѣ пребыванія съ апостоломъ въ качествѣ его учениковъ и послѣдователей, снова возвращались къ своей прежней жизни и ея порочности. Этимъ только и можно объяснить его строгое предписаніе Титу: еретика, послѣ первого и второго вразумленія, отвращающагося, зная, что таковой развратился и грѣшить, будучи самосуждѣнъ (3, 10, 11). Да и вообще все посланіе къ Титу наполнено осужденіемъ безнравственности критскаго общества, совѣтами о самомъ строгомъ и внимательномъ отношеніи ко всякому шагу, ко всякому дѣлу, какъ вообще всего критскаго общества, такъ и каждого его члена въ отдѣльности. И несмотря на проникающій посланіе всепрощающій духъ апостольской любви, въ отдѣльныхъ мѣстахъ и выраженіяхъ часто слышится какъ бы нѣкоторое раздроженіе апостола.— Борясь съ общими недостатками критянъ, ап. Павель для укорененія въ нихъ христіанскихъ понятій и христіанской жизни долженъ быть возставать и противъ нѣкоторыхъ частныхъ и какъ бы случайныхъ дурныхъ ихъ качествъ и явлений въ ихъ жизни. Онъ замѣчалъ, что критяне какъ язычники, такъ особенно обращенные въ христіанство пренебрежительно относились къ властямъ, можетъ быть, считая себя въ состояніи управляться сами собою, или предосудительно смотря вообще на все языческое начальство. Таковымъ онъ и послѣ писалъ, чтобы они повиновались и покорялись властямъ и были готовы на всякое доброе дѣло. Въ томъ же посланіи къ Титу онъ учищевалъ ихъ не злословить, быть несварливыми, но тихими и оказывать всякую кротость ко всѣмъ человѣкамъ (3, 1, 2).

Если таковы были всѣ граждане о. Крита, то едва ли лучше, а вѣроятно еще и хуже были низшіе члены общества, рабы. Классъ рабовъ на о. Критѣ долженъ быть особенно многочисленнымъ, и состоялъ не только изъ привезенныхъ и купленныхъ жителей другихъ странъ, но и изъ туземныхъ коренныхъ жителей острова. Пороки, свойственные высшимъ классамъ, были еще въ большей степени присущи рабамъ, но у нихъ, сообразно ихъ особому общественному положенію, были и особенные пороки и недостатки. Ап. Павель, какъ проповѣдникъ всеобъемлющей христіанской религіи, обращаясь съ проповѣдью и къ этому классу общества, дол-

жень былъ прибѣгать къ особеннымъ мѣрамъ и особеннымъ способамъ воздействиа. Трудность такого приспособленія не устрашила проповѣдника; и въ свою бытность на Критѣ онъ приобрѣлъ много членовъ для христіанской церкви и изъ среды этихъ угнетенныхъ и обездоленныхъ рабовъ. О нихъ онъ вспомнилъ и въ своемъ посланіи къ Титу, вспомнилъ и о тѣхъ недостаткахъ, которыми особенно страдала ихъ приниженная среда. «Титъ, пишетъ апостолъ, рабовъ увѣщевай новиновать своимъ господамъ, угождать имъ во всемъ, не красть, но оказывать добрую вѣрность, дабы они во всемъ были украшеніемъ учению Спасителя нашего Бога» (2, 9. 10).

Недолго оставался апостолъ съ своими спутниками въ городѣ Кидоніи; мѣстомъ его дѣятельности долженъ быть быть весь о. Критъ. Поэтому, просвѣтивши въ Кидоніи свѣтомъ евангельской истины болѣе или менѣе значительное число тамошнихъ обитателей, укрѣшивши и усовершивши въ христіанскомъ познаніи ранѣе ознакомившихся съ христіанской богооткровенной религіей, и сообщивши имъ благодатные дары, апостолъ направился въ глубь острова. Здѣсь онъ посѣщалъ города и мѣстечки и вездѣ хотѣлъ принести посильную духовную пользу ихъ обитателямъ. Но нельзя думать, чтобы онъ старался захватить какъ можно больше количества мѣстечекъ. Нѣть, онъ не любилъ разбрасываться въ своей проповѣди; онъ старался обыкновенно, хотя и не въ многихъ пунктахъ, но болѣе твердо укоренить христіанская истины. Онъ хорошо сознавалъ, что твердо укоренившаяся въ одномъ мѣстѣ христіанская истина сама потомъ распространится на болѣе обширное пространство. Потому-то и слѣдуетъ предполагать, что во время своего путешествія по Криту апостолъ остановливался только въ болѣе значительныхъ городахъ и селеніяхъ, пока, переходя изъ одного города въ другой, не прибылъ въ г. Итанъ, находившейся уже на самомъ восточномъ берегу острова.

Что же теперь нужно было дѣлать апостолу? Идти ли назадъ по острову, посѣщая новые города и навѣщаю тѣ, въ которыхъ онъ былъ и прежде, или же совсѣмъ выбыть съ Крита?—Обращаясь умственнымъ взоромъ назадъ, апостолъ видѣлъ много разсѣянныхъ по всему пространству острова городскихъ христіанскихъ общинъ. Чемногочисленны они были по количеству своихъ членовъ, можетъ быть даже неособенно совершилъ въ христіанскомъ познаніи и въ христіанской жизни. Что же не снова ли идти къ нимъ самому апостолу и позаботиться объ ихъ количественномъ увеличеніи и качественномъ усовершенствованіи?—Конечно, ап. Павель не приминулъ бы возвратиться къ своимъ новымъ чадамъ о Христѣ, еслибы этого неизбѣжно требовало ихъ положеніе,—но былю ли оно таково? Едва-ли. Апостолъ былъ на островѣ во всякомъ случаѣ неособенно короткое время; бытъ при томъ не одинъ,

но въ сопровождениі семи вѣрныхъ и опытныхъ въ христіанской проповѣди сотрудниковъ. Такъ что нужно ждать, что проповѣдники переходя изъ одного мѣста въ другое, оставляли въ предыдущемъ христіанскоѣ общество настолько просвѣщеноѣ спасительною истинною, что оно было способнымъ къ дальнѣйшему самостоятельному существованію и развитію.

Ап. Павелъ зналъ все это, зналъ также и то, что у него есть и въ другихъ странахъ духовныя дѣти и имъ учрежденныя христіанскія общины, которыя теперь нуждались въ его личномъ руководствѣ, и которымъ онъ ранѣе еще изъ Рима писалъ о своемъ намѣреніи посѣтить ихъ. Онъ вспомнилъ о малоазійскихъ церквяхъ и о церквяхъ Балканского полуострова, и его любвеобильная душа возгорѣла желаніемъ быть тамъ и присутствовать въ нихъ лично. И онъ рѣшилъ немедленно же оставить Критъ. Это представлялось тѣмъ болѣе возможнымъ для него, что около него были такіе люди, которымъ онъ могъ поручить довершеніе недоконченного на о. Критѣ (Тит. 1, 5). Съ нимъ былъ его любимый ученикъ, истинный сынъ по общей вѣрѣ, Титъ; на него онъ вполнѣ могъ положиться въ этомъ трудномъ дѣлѣ довершенія христіанской проповѣди. Титъ съ самаго своего обращенія сопутствовалъ апостолу, участвовалъ во всѣхъ его трудахъ проповѣдничества, и могъ быть вполнѣ достойнымъ и способнымъ замѣстителемъ апостола и авторитетнымъ въ дѣлѣ управлія новою критскою церковью. Поэтому-то ап. Павелъ съ полной увѣренностию въ успѣхѣ препоручаетъ ему не только довершить недоконченное, но и поставить по всѣмъ городамъ пресвитеровъ. Самъ же апостолъ ищетъ въ гавани Итана нужный корабль и спѣшитъ уѣхать на немъ заблаговременно, пока еще не началось бурное зимнее время и не прекратилась навигація.—Такъ, оставивъ на о. Критѣ Тита своимъ замѣстителемъ, ап. Павелъ осенью 63 года отправился далѣе на востокъ по средиземному морю въ сопровождениі оставшихся при немъ сотрудниковъ.

Отплытіе съ о. Крита на востокъ.

Несомнѣнно, отплывши съ Крита, ап. Павелъ имѣлъ желаніе побывать въ Іерусалимѣ, посѣтить іерусалимскій храмъ, помолиться въ немъ Господу Богу. Но чѣмъ болѣе приближался онъ къ этому городу, тѣмъ очевиднѣе становилось несбыточнымъ это его желаніе. Не потому оно было несбыточно, что были какія-либо формальныя препятствія для самаго вступленія его въ Іерусалимъ, но потому, что это вступленіе было равносильно для апостола обреченію себя на вѣрную смерть. Ненависть противъ него со стороны іудеевъ была сильна и ранѣе; теперь она увеличилась еще болѣе послѣ того, какъ они безплодно потратили всѣ свои усилия, чтобы обвинить его

предъ римскимъ судомъ. Можно даже думать, что уже на о. Критѣ, не особенно отдаленномъ отъ Іерусалима, іудеи дали цонять апостолу, чего онъ можетъ ожидать отъ нихъ въ ихъ отечественномъ городѣ, гдѣ они пользовались значительнымъ вліяніемъ и даже властію. А события того времени способны были какъ увеличить смѣлость іудеевъ въ проявленіи ихъ религіозной нестерпимости, такъ и внушить еще большія опасенія самому апостолу. Именно въ это время вступилъ въ отправление первосвященническихъ обязанностей Ананъ. Іудейский проконсулъ Фестъ скончался въ 62 или въ началѣ 63 года; на его мѣсто былъ назначенъ Албинъ, находившійся въ то время на должностіи въ Александріи. Прибытиемъ въ Палестину онъ почему-то замедлилъ, и вся власть управленія іудею фактически сосредоточилась въ рукахъ первосвященника Анана. Это тотъ самый Ананъ, о которомъ историкъ Іосифъ Флавій говорилъ какъ о человѣкѣ особенно строгомъ и жестокомъ при отправленіи судопроизводства, такъ какъ онъ принадлежалъ къ сектѣ саддукеевъ (Древ. 20, 9). И конечно ап. Павлу, бывшему фарисею, пока на первосвященническомъ престолѣ быть этотъ саддукаѣ, нельзя было и думать показываться въ Іерусалимѣ: вѣдь противъ него, было въ такомъ случаѣ не только то, что онъ проповѣдуетъ христіанство, но и то, что онъ по своему происхожденію фарисей. Можетъ быть даже, что апостоль услыхалъ о томъ, какъ поступилъ первосвященникъ Ананъ съ братомъ I. Христа, Праведнымъ Іаковомъ: этотъ послѣдній по приказанію первосвященника былъ схваченъ, обвиненъ въ вѣрѣ въ I. Христа и, сброшенный съ кровли храма, былъ умерщвленъ. Подобная же участъ могла ожидать и ап. Павла. И это тѣмъ болѣе было возможно, что іудеи питали къ нему еще большую ненависть, чѣмъ къ праведному Іакову, котораго они все-таки глубоко уважали за его строгое исполненіе обрядового Моисеева закона.

Взвѣшивая все это, апостоль, надо полагать, съ сожалѣніемъ долженъ былъ отказаться отъ посѣщенія священнаго Іерусалима, или, по крайней мѣрѣ, отложить его на нѣкоторое время. Теперь же онъ могъ пріѣхать въ какой-либо другой городъ, неособенно отдаленный отъ Іерусалима, но вполнѣ обезопашенный отъ злостной власти іудеевъ. Но этому надо думать, что ап. Павель, отсыпавъ съ о. Крита, направился на востокъ съ прямымъ намѣреніемъ посѣтить прежде всего Антіохію Сирійскую,—на это есть прямое указаніе въ апокрифическомъ произведеніи, такъ называемомъ «Акты Павла и Феклы».

Посѣщеніе Антіохіи Сирійской.

Антіохія—въ то время главный городъ Сиріи, и правители страны имѣли въ ней свою резиденцію. Она была основана Селевкомъ Никаторомъ въ плодоносной далинѣ р. Оронта,

и представляла собою четыре части (тетраполь), которые были окружены одною общею стѣною. Этотъ городъ пользовался извѣстностію въ первыя времена христіанства; послѣ онъ сталъ извѣстенъ какъ родина св. Иоанна Златоуста, Ливанія и Эвагрія.

Въ этотъ городъ, бывшій ему уже хорошо извѣстнымъ, и прибылъ теперь ап. Павелъ. Съ нимъ у апостола были связаны самыя дорогія воспоминанія. Здѣсь онъ впервые выступилъ на проповѣдь христіанства подъ руководствомъ Варнавы, здѣсь онъ видѣлъ первые успѣхи своей проповѣднической дѣятельности, отсюда они вмѣстѣ съ Варнавою были отправлены въ свое первое великое миссионерское путешествіе, какъ избранные Самимъ Богомъ для просвященія язычниковъ свѣтомъ христіанской истины. Впослѣдствіи ап. Павелъ при всякомъ удобномъ случаѣ заходилъ въ Антіохію, если и не для того исключительно, чтобы потрудиться здѣсь на утвержданіе христіанской церкви, то для того, чтобы утѣшиться общеніемъ съ своими первыми духовными чадами. Подобная же цѣль могла быть у апостола и въ теперешнее посѣщеніе имъ этого города. И это можетъ быть и было главымъ, что привлекло его сюда, а его намѣреніе перейти отсюда въ Іерусалимъ было болѣе, чѣмъ второстепеннымъ побужденіемъ. Это намѣреніе, подорванное раннѣйшими слухами объ историческихъ обстоятельствахъ того времени, по прибытіи апостола въ Антіохію, должно было быть и совсѣмъ оставлено имъ. Ненависть къ нему іудеевъ оказалась чрезвычайною, а ихъ сила и дерзость возрасли до такой степени, что были не ожиданы даже и для него самого. Весь народъ въ Палестинѣ былъ въ страшномъ возбужденіи, вездѣ бродили опасныя шайки разбойниковъ; всюду какъ бы подготовлялось восстаніе, и римская власть не находила достаточныхъ мѣръ для обузданія религіозно-патріотического фанатизма іудеевъ. Этотъ фанатизмъ проявлялъ себя въ очень рѣзкой формѣ и даже вѣрѣ предъловъ собственной Палестины; сама Сирія и ея столица Антіохія не были безопасны отъ его страшныхъ проявленій.

Силу іудейского фанатизма въ Антіохіи пришлось испытать на себѣ и ап. Павлу, и вѣроятно вскорѣ же послѣ его прибытія сюда. Неремѣна въ положеніи вещей была тотчасъ же замѣчена апостоломъ. Если прежде ему устраивали здѣсь торжественные встречи, если тогда христіане открыто высказывали свою радость при его посѣщеніяхъ, то теперь они побоялись даже выйти къ нему навстрѣчу. Онъ безъ приглашенія вошелъ въ домъ, знакомый ему попрежнему, но въ радости хозяина не могъ не замѣтить примѣси какой-то робости идержанности. Для него, конечно, все это вскорѣ же объяснилось и стало понятнымъ,—тѣмъ болѣе, что и ранѣе въ этомъ же самомъ городѣ ему пришлось обличить даже ап. Петра за его боязливую уступчивость предъ требователь-

ностію іудействуючихъ. Но теперь обстоятельства были хуже. Онъ не только не могъ съ спою и властю возстать противъ боязливыхъ и робкихъ, но даже, уступая необходимости, долженъ былъ и самъ оставить городъ. Уходя отсюда, онъ не только устранилъ особую причину возгорѣвшеї по случаю его прихода сюда фанатической ненависти іудействующихъ противъ христіанъ изъ язычниковъ, и такимъ образомъ избавлялъ городъ отъ лишней смуты и беспокойства, но и самъ избѣгалъ возможности пострадать безцѣльно отъ ярости своихъ враговъ. Поэтому ап. Павель вскорѣ же послѣ своего прибытія снова удалился изъ Антіохіи. — Только этимъ недолговременнымъ и несомнѣнно безплоднымъ пребываніемъ апостола въ Антіохи и можно объяснить то заявленіе св. Златоуста, что оять не знать, быть ли апостолъ Павель снова въ этой странѣ.

Пребываніе въ Иконіи и другихъ городахъ Малой Азіи.

Съ горечью и сожалѣніемъ покидалъ ап. Павель свой прежде любимый и дорогой городъ; но, какъ передаютъ намъ «Акты Павла и Феклы», покидалъ безъ злобы и раздраженія. Онъ, какъ проповѣдникъ мира и любви, по заповѣди Спасителя выходилъ изъ непринявшаго его города безъ негодованія на него, лишь отрясши пыль отъ ногъ своихъ, въ знакъ своего отреченія судить его поступокъ по отношенію къ себѣ. Іudeи по своему обыкновенію не ограничились тѣмъ, что изгнали апостола изъ одного города, они послали вслѣдъ за нимъ Димаса и Гермогена, которые и въ другихъ мѣстахъ, куда прибудетъ онъ, должны были препятствовать успѣхамъ его проповѣди. Но старецъ апостолъ, умудренный опытомъ, изучившій и познавшій до сокровенной глубины человѣческое сердце и человѣческую природу, не могъ быть возмущенъ и этимъ поступкомъ своихъ іудействующихъ враговъ. Онъ простилъ имъ за себя лично и заботился только о томъ, чтобы и ихъ отвратить отъ ненависти къ нему и наполнить ихъ сердца любовью къ проповѣдываемому имъ И. Христу, Сыну Божію. Поэтому всю дорогу отъ Антіохіи до Иконіи, онъ, какъ повѣствуютъ намъ тѣ же «акты», «услаждалъ ихъ слухъ и сердце словами объ Иисусѣ Христѣ».

Непринятый въ Антіохіи и почти изгнанный оттуда, апостоль направилъ свои стопы въ другія основанныя имъ же Малоазійскія церкви. Онъ держалъ тотъ же путь, который былъ ему уже хорошо извѣстенъ изъ его прежнихъ путешествій. Вмѣстѣ съ своими спутниками и сотрудниками онъ направился къ городамъ Иконіи, Листрѣ и Антіохіи Писидійской. Здѣсь онъ имѣлъ надежду на утѣшительное общеніе съ дорогими общинами и съ тѣми ихъ членами, которые были особенно близки его сердцу, ибо были близки его дѣлу про-

пovѣдничества. Въ Иконіи онъ думалъ найти Онисифора, а въ Колоссахъ—Филимона. Послѣднему онъ писалъ еще изъ Рима, что, послѣ своего освобожденія изъ узъ, онъ обязательно посѣтить его, и даже просилъ его приготовить себѣ помѣщеніе повидимому на довольно продолжительное время (Філ. 22). Но удалось ли апостолу посѣтить въ Колоссахъ своего духовнаго сына рѣшить трудно;—скорѣе всего не удалось. Ап. Павелъ слишкомъ долго промедлилъ на о. Критѣ, а въ Малой Азіи ему приходилось подвергаться слишкомъ жестокимъ преслѣдованіямъ, которые не могли, конечно, не отозваться на его старческомъ здоровьѣ. Вѣрнѣе всего допустить, что Филимонъ, узнавъ о приходѣ апостола въ Ликаонійскіе города, самъ послѣдилъ къ нему навстрѣчу и имѣлъ съ нимъ свиданіе и бесѣду въ какомъ-нибудь изъ нихъ. Что же, теперь», сказать объ Онисифорѣ?—Изъ упаминанія о немъ въ 2 Тим. 1, 16—18 можно вывести заключеніе, что Онисифоръ, оказавшій большія услуги апостолу въ Ефесѣ, имѣлъ здѣсь и свое постоянное мѣстопребываніе. Но это едва-ли вѣрно. Вѣрнѣе его родиною и мѣстопребываніемъ его семейства слѣдуетъ считать городъ Иконію. По крайней мѣрѣ на это мы находимъ прямое указаніе въ «Актахъ Павла и Феклы».—Здѣсь разсказывается, что Онисифоръ, увѣдомленный однимъ изъ учениковъ апостола о приближеніи послѣдняго къ городу Иконіи, съ радостію выходитъ къ нему на встрѣчу и приводить его въ свой домъ. Въ честь прибыващаго изъ далекаго путешествія ап. Павла устраивается торжественная вечерняя трапеза, къ которой приглашается и много другихъ лицъ.

Собрание это имѣло въ виду воспользоваться случаемъ и послушать назидательную проповѣдь великаго миссионера. И апостоль Павелъ не обманулъ ихъ ожиданій. Онъ началъ продолжительную бесѣду о разныхъ предметахъ евангельского благовѣстія. Онъ говорилъ о заповѣдяхъ блаженства, о будущемъ царствіи Божіемъ, о чистотѣ и достоинствѣ дѣвственной жизни... Съ благоговѣніемъ внимали ему собравшіеся слушатели, и многіе рѣшили въ своеумъ и сердцѣ быть твердыми исполнителями его предписаний и наставлений. Между прочими слушателями была и одна молодая гражданка Иконіи Фекла. Глубоко тронутая назидательною проповѣдью апостола, она тотчасъ же рѣшила навсегда отказаться отъ замужества и сдѣлаться постоянною спутницей и участницею въ его проповѣдническихъ трудахъ. Она не отказалась отъ своего намѣренія и тогда, когда ея мать и ея женихъ Фамира, узнавъ объ этомъ, всячески старались возвратить ее къ прежней жизни. Но все ихъ убѣжденія остались напрасными, и имъ нечего не оставалось болѣе, какъ въ безсильной злобѣ подвергнуть преслѣдованію апостола Павла,—виновника перемѣны ея мыслей и ея образа жизни. Фамира вмѣстѣ съ Димасомъ и Гермогеномъ поднимаютъ народное возмущеніе и влекутъ апостола къ началь-

нику города,—проконсулу, а этот послѣдній заключаетъ проповѣдника въ темницу до окончательного разбирательства его дѣла. Къ нему въ темницу, подкупивши сторожей, проникаетъ Фекла и внимательно слушаетъ его душеспасительную бесѣду. Для Феклы это было совершенно необычнымъ и новымъ дѣломъ, но для апостола уже нѣсколько разъ повторявшимся. Такое народное преслѣдованіе въ этой же самой Иконіи ему приходилось испытать второй уже разъ. Ему еще было напоминто, какъ во время его первого миссіонерскаго путешествія въ этомъ же самомъ городѣ «язычники и іudeи съ своими начальниками устремились на нихъ (Павла и Варнаву), чтобы посрамить ихъ и побить камнями» (Дѣян. 14, 5). Но тогда онъ благополучно избѣжалъ опасности, теперь же онъ сидитъ въ оковахъ, въ темницѣ, и не знаетъ, чѣмъ кончится это заключеніе. Лишь надежда на всеблагой и премудрый промыселъ Божій укрѣпляла его. И эта надежда не обманула его. Вскорѣ онъ снова призываются къ проконсулу, который, чтобы удовлетворить, хотя и несправедливыя, требованія враговъ апостола, наказываетъ его бичемъ и приказываетъ удалиться изъ города.

Такимъ образомъ уже изъ второго города апостоль былъ изгнанемъ послѣ того, какъ освободившиися изъ римскихъ узъ, предприняль свое новое миссіонерское путешествіе. Измученный тюремнымъ заключеніемъ и обезсиленный бичеваніемъ, апостоль, послѣ изгнанія изъ Иконіи, не могъ отправиться прямо въ дальнѣйшее путешествіе: его старческая плоть требовала болѣе или менѣе продолжительного отдыха и покоя. И вотъ, по сообщенію «Актовъ», мы видимъ его удалившимся въ сосѣднюю горную пещеру. Впрочемъ, онъ удалился сюда не одинъ; съ нимъ были его друзья, особенно необходимые ему въ его настоящемъ положеніи; съ нимъ же были и члены семейства Онисифора, не оставлявшіе апостола въ несчастіи. Скоро къ нему пришла и Фекла, отпущенная начальникомъ города на свободу послѣ неудачной попытки сжечь ее на кострѣ.

Послѣ достаточнаго отдыха, апостоль Павель вмѣстѣ съ Феклою отправляется въ другіе города, которые были ранѣе намѣчены имъ для посѣщенія. Нужно думать, что такимъ городомъ была и Листра. Не могъ обойти ее апостоль, будучи такъ недалеко отъ нея. Онъ былъ въ ней во время всѣхъ своихъ трехъ путешествій (Дѣян. 14, 6; 16, 1; 18, 23). Особенно должно было быть памятнымъ его первое посѣщеніе этого тогда совершенно языческаго города. Тогда его съ Варнавою сначала превознесли какъ явившихся боговъ за исцѣленіе ими невладѣвшаго ногами, а потомъ побили камнями и апостола Павла полумертвымъ выбросили за городскую стѣну. Какъ приняли его здѣсь теперь по истечениіи столь долгаго времени, когда большинство жителей города сдѣлались послѣдовате-

лями I. Христа? Едва-ли благопріятно. Судя по пріемамъ въ другихъ городахъ скорѣе можно предполагать противное. Большая впечатлительность жителей и ихъ доступность постороннему вліянію были очень удобною почвою для возбужденія ихъ со стороны іудеевъ противъ проповѣдника христіанства. Такъ что и этотъ городъ, дорогой ему по прежней его дѣятельности въ немъ, апостолъ Павелъ долженъ быть оставилъ съ горечью и состраданіемъ, съ неудовлетворенною жаждою любовнаго обиженія съ своими духовными чадами, успѣвающими въ христіанскомъ совершенствованіи.

Удрученный тѣлесно старческими немощами, духовно-прискорбными обстоятельствами своего существія, апостолъ Павелъ вмѣстѣ съ Феклою, своею новою духовною дочерью, медленно направился къ Антіохіи Писидійской. Но и здѣсь онъ не ждалъ ничего радостнаго для себя и благопріятнаго для своего дѣла. И дѣйствительно, не изъ-за себя только, но и изъ-за Феклы, ему пришлось перенести много огорченій въ этомъ городѣ. Какой-то сиріецъ Александръ, увлекшійся красотою Феклы, преслѣдовалъ и ее и апостола Павла убѣжденіями, чтобы она сдѣлалась его женой. Не успѣвши въ этомъ, онъ обратился съ жалобою на нее игемону, и она была осуждена на растерзаніе звѣрьми какъ христіанка. А апостолъ удаляется изъ города, не дождавшись, чѣмъ кончится исповѣдничество его духовной дочери. Къ этому его вынудили преслѣдованія, поднятые противъ него іудеями и язычниками по требованію первыхъ. Такъ было и въ его первое путешествіе, когда онъ былъ изгнанъ такимъ же способомъ изъ предѣловъ городскихъ антіохійскихъ владѣній (Дѣян. 13, 50).

Тяжелое впечатлѣніе должно было остаться въ душе апостола Павла отъ этихъ неудачныхъ посѣщеній малоазійскихъ городовъ. Мало утѣшительного они обѣщали и въ будущемъ. Можетъ быть онъ уже предвидѣлъ въ ихъ судьбѣ то самое, что впослѣдствіе замѣтилъ и описалъ въ своемъ Апокалипсисѣ св. Іоаннъ Богословъ. Апостолъ Павелъ мало хорошаго слышалъ объ этихъ церквахъ еще въ Римѣ, мало отраднаго замѣтилъ во время ихъ посѣщенія, еще болѣе горечи должно было остаться въ немъ отъ отношенія жителей этихъ городовъ къ его собственному лицу. Итакъ, не съ утѣшенiemъ, не съ радостю, не съ просвѣтленною и отрадною надеждою на будущее, но съ тяжелымъ предчувствіемъ шелъ теперь св. апостолъ съ своими спутниками къ берегу Средиземнаго моря.

Посѣщеніе гор. Миръ-Ликійскихъ, Милета и Троады.

До этого времени апостола Павла сопровождалъ неотступно его ученикъ и сотрудникъ св. Тимофей. По крайней мѣрѣ такъ должно предполагать потому, что Тимофеемъ вмѣстѣ съ нимъ выбылъ изъ Рима, вмѣстѣ съ нимъ

быть въ городахъ Иконії, Листрахъ и Антіохії Писидійской. Что онъ былъ въ этихъ городахъ и вмѣстѣ съ апостоломъ подвергался тѣмъ преслѣдованіямъ, которыя описаны въ «Актахъ Павла и Феклы», на это довольно ясное указаніе находимъ въ 2 Тим. 3, 11. Здѣсь, призывая своего ученика къ терпѣливому перенесенію гоненій и страданій со стороны невѣрующихъ и еретиковъ, апостолъ указываетъ ему на свой собственный примѣръ, указываетъ именно на тѣ гоненія, которыя ему пришлось перенести въ Иконії, Листрахъ и Антіохії Писидійской. Перечисленіе этихъ именно городовъ и гоненій и преслѣдований, перенесенныхъ именно въ нихъ, а не въ другихъ мѣстахъ, будетъ достаточно понятнымъ только лишь тогда, когда мы допустимъ, что св. Тимоѳеей принималъ самое живое участіе въ судьбѣ апостола за это время. Для св. Тимоѳея особыеннымъ средствомъ ободренія могли служить, конечно, тѣ апостольскія страданія, которыя онъ видѣлъ самъ лично, и которыя и на него ложились тяжелымъ бременемъ, какъ и его личныя страданія. А такими и могли быть для Тимоѳея страданія апостола Павла въ Иконії, Листрахъ и Антіохії, если Тимоѳеей неотступно слѣдовалъ за нимъ самаго острова Крита, кончая выходомъ изъ Антіохіи.

Только теперь гдѣ-нибудь на этомъ пути св. Тимоѳею оставилъ своего духовнаго отца и учителя. И ему необходимо было поступить такъ. Большое и трудное поприще для его просвѣтительной дѣятельности представляяль городъ Ефесъ. Прежде, идя изъ Антіохіи Сирійской въ Ликаонію и Фригію, апостолъ Павелъ можетъ быть думалъ самъ попасть въ этотъ болыиной городъ. Но обстоятельства измѣнили его предположенія; и онъ рѣшилъ, минуя его теперь, отправиться на Балканскій полуостровъ и прежде всего въ Македонію. Сюда же, въ Ефесъ, онъ могъ надѣяться прибыть послѣ, побывавъ тамъ, гдѣ быть онъ уже обѣщался давно, и гдѣ, можетъ быть, были нетерпящія отлагательства нужды. А пока въ Ефесъ, для временнаго руководства его церковю, апостолъ могъ послать св. Тимоѳея. Тимоѳеей же быть достаточно опытенъ и достаточно авторитетенъ, чтобы съ пользою и успѣхомъ могъ замѣнить собою апостола и на время удовлетворить нужды ефесскихъ христіанъ.

Имѣя все это въ виду во время какого-либо одного изъ пунктовъ своего отдыха на пути изъ Антіохіи Писидійской, апостолъ Павелъ и просилъ св. Тимофея «быть въ Ефесъ и увѣщевать нѣкоторыхъ, чтобы они не учили иному» (1 Тим. 1, 3). Нескоро св. Тимоѳеей согласился на просьбу апостола; ему не хотѣлось покидать своего старца, измученного путешествиемъ и перенесенными страданіями; не хотѣлось, чтобы св. апостолъ отправился въ то далекое и опасное путешествие безъ его бдительнаго наблюденія и внимательнаго ухода. Онъ въ свою очередь со слезами молилъ своего учителя по-

зволить ему оставаться при немъ и снова раздѣлать его труды и лишенія, а въ Ефесъ послать кого-либо другого. Внося вѣдѣніи самъ апостолъ съ благодарною радостю вспоминаль о выраженіи такой преданности и любви со стороны своего ученика и писалъ ему изъ Рима: «желаю видѣть тебя, вспоминая о слезахъ твоихъ, дабы мнѣ исполниться радости» (2 Тим. 1. 4). Но все-таки апостолъ счелъ необходимымъ настоять на своей просьбѣ; онъ, какъ и самъ обѣ этомъ пишеть, умолялъ своего ученика, онъ подѣствовалъ на него не только доводами разума, но воздѣйствиемъ на его горячую сердечную любовь къ нему, по которой онъ, конечно, не хотѣлъ огорчать того, на кого она простиралась. Св. Тимоѳеѣ, наконецъ, уступилъ апостолу и согласился оставаться въ Ефесѣ, пока туда не прибудетъ онъ самъ.

Разставшись съ Тимоѳеемъ, апостолъ Павель съ остальными спутниками продолжалъ свой путь къ Средиземному морю. Конечно же цѣлію своего путешествия онъ намѣтилъ незначительный городокъ Миры-Ликийскія. Во времена своихъ прежнихъ путешествій апостолъ никогда не держался такого направлѣнія пути, это направление было ново и вѣроятно было вызвано какими-либо особыми соображеніями. Какими же? «Акты Павла и Феклы», которые разсказываютъ намъ обѣ этомъ направлѣніи апостольского пути,ничѣмъ не думаютъ объяснять его. Они говорятъ только, что Фекла, отставшая отъ апостола въ Антіохіи Писидійской, нашла своего учителя именно въ Мирахъ Ликийскихъ. Эта городъ, находившійся около моря, обладалъ, конечно, гаванью. И можетъ быть апостолъ расчитывалъ найти здѣсь себѣ почтный корабль, на которомъ бы и могъ переправиться на Балканскій полуостровъ. Но едва ли онъ дождался здѣсь нужнаго ему корабля. Время, когда онъ прибылъ сюда, не было удобно для мореплаванія; это былъ конецъ зимы, начало 64 года. Да и гавань Миры-Ликийскихъ была слишкомъ незначительна, чтобы могла предоставить апостолу возможность выбора изъ заѣзжавшихъ сюда кораблей. По всей вѣроятности, апостолъ, опибвшись въ своемъ предположении, употребилъ время пребыванія въ этомъ городѣ для отдыха, для возстановленія и укрѣпленія своихъ старческихъ силъ, истощенныхъ за это трудное и продолжительное путешествіе, совершившееся, конечно, пѣшкомъ.

Когда же апостолъ почувствовалъ себя достаточно подкѣпившимся и отдохнувшимъ, и когда уѣхалъ, что лишь напрасну будетъ тратить время на ожиданіе здѣсь нужнаго корабля, тогда рѣшилъ перейти въ городъ Милетъ. Это былъ большой приморскій портъ, поддерживавшій дѣятельную торговлю съ различными городами и странами. Здѣсь всегда можно было расчитывать найти стоящими въ гавани корабли, готовыми къ отплытию въ разныя мѣста.

Апостолъ Павель и ранѣе не разъ былъ въ Милетѣ и не

разъ пользовался его гаванью, какъ важнымъ пунктомъ своихъ путешествий по морю. Такъ и теперь вмѣстѣ съ своими спутниками онъ, оставивши Миры и довольно скоро пройдя небольшое пространство, прибылъ въ этотъ торговый портъ. Много у него было здѣсь знакомыхъ и духовныхъ дѣтей, прежде просвѣщенныхъ имъ христіанскою проповѣдью; много, конечно, должно было у него и дѣла по исправленію недостатковъ и удовлетворенію духовныхъ нуждъ милетскихъ христіанъ. Но апостолъ спѣшилъ и не хотѣлъ нигдѣ замедлять свой путь, а думалъ о сбереженіи времени, чтобы скорѣе попасть къ своимъ возлюбленнымъ давно уже ждавшимъ его филиппійцамъ. Послѣ кратковременного совмѣстнаго пребыванія съ милетскими христіанами, послѣ удовлетворенія лишь самыхъ наущныхъ ихъ духовныхъ нуждъ, онъ сталъ наводить справки и о стоявшихъ въ гавани корабляхъ. Вѣроятно, нужный ему корабль нашелся скоро, и апостолъ рѣшился отправиться на немъ. Не желая упустить удобнаго случая поскорѣе оставить Милетъ, апостолъ Павель рѣшился даже оставить здѣсь на попеченіе братии заболѣвшаго Трофима. Трофимъ былъ давнишнимъ и усерднѣйшимъ спутникомъ и сотрудникомъ апостола. Особенно же ревностно помогалъ онъ ему во время третьяго миссіонерскаго путешествія (Дѣян. 20, 4). Можетъ быть онъ былъ неразлучно при апостолѣ Павлѣ съ того самаго времени, когда съ своимъ землякомъ Тихикомъ впервые послѣдоваль изъ своей родной асійской области за проповѣдникомъ христіанства. Онъ и теперь готовъ былъ продолжать вмѣстѣ съ апостоломъ его дальнѣйшее путешествіе, но болѣзнь воспрепятствовала исполненію его желанія. Можетъ быть онъ просилъ даже подождать его выздоровленія, можетъ быть и самому апостолу Павлу хотѣлось имѣть при себѣ этого вѣрнаго ученика и усерднаго сотрудника, но необходимость воспользоваться отѣзжавшимъ кораблемъ, необходимость дрожитъ временемъ заставила обоихъ друзей разстаться. И послѣ апостолъ Павель, съ прискорбiemъ воспоминая объ этомъ случаѣ, писалъ св. Тимоѳею изъ Рима: «Трофима же я оставилъ больнымъ въ Милетѣ (2 Тим. 4, 20).

Съ немногими оставшимися спутниками, можетъ быть, только съ Лукою и Димасомъ, апостолъ Павель, простившись съ милетскими христіанами и объѣзвавши навѣстить ихъ, когда будетъ въ Ефесѣ, отплылъ изъ милетской гавани. Для проповѣдника было бы несравненно удобнѣе и выгоднѣе, если бы корабль прямо изъ Милета направился къ македонскимъ берегамъ; тогда бы путь апостола былъ очень недалекимъ и плаваніе непродолжительнымъ. Но торговые корабли прямые рейсы совершаютъ очень рѣдко; въ большинствѣ случаевъ направление ихъ плаванія зависѣло отъ назначенія грузовъ, которые они брались перевозить изъ одного города въ другой. Такъ было и съ кораблемъ, на которомъ отправился апостолъ Павель; ему нужно было завести грузъ въ Троаду,

и апостолъ волей-неволей долженъ бытъ заѣхать въ этотъ городъ. Этотъ городъ былъ хорошо извѣстенъ ему, онъ бывалъ въ немъ и прежде. Здѣсь ему во время его второго путешествія было сонное видѣніе мужа Македонянина, который просялъ его прийти въ Македонию и помочь имъ (Дѣян. 16, 9), а во время своего обратнаго третьаго путешествія апостолъ совершилъ здѣсь чудо воскрешенія умершаго юноши Евтила, упавшаго изъ окна и разбившагося до смерти (Дѣян. 20, 6—12).

Вотъ уже въ третій разъ, стало быть, апостолъ входилъ теперь въ этотъ городъ. Судя по прежнему онъ быть радостно встрѣченъ его жителями христіанами, и ихъ радость была тѣмъ болѣе сильна, что пребываніе апостола въ ихъ городѣ предполагалось довольно продолжительнымъ. Корабль, привезшій апостола Павла, имѣлъ много товара для выгрузки и много долженъ бытъ захватить съ собою изъ Троады, или же требовалъ существенныхъ исправленій своего корпуса, и потому всѣ пассажиры со всѣмъ ихъ багажемъ должны были сойти на берегъ и ждать въ городѣ, пока будуть извѣщены о времени начала дальнѣйшаго путешествія. На это время и апостолъ Павелъ долженъ бытъ поселиться у кого-либо изъ троадскихъ христіанъ и терпѣливо ждать возможностиѣхатъ въ Филиппы. Этимъ гостепріимнымъ хозяиномъ оказался нѣкто Карпъ, вѣроятно простой небогатый гражданинъ, о которомъ упоминаетъ самъ апостолъ въ своемъ посланіи къ Тимоѳею (2 Тим. 4, 13).

Но пришелъ и конецъ ожиданіямъ апостола; корабль приготовился къ отплытию, и прежніе пассажиры были извѣщены о времени его. Апостолъ Павелъ любвеобильно прощался съ радушно принявшими его троадскими христіанами. Прощаюсь съ ними и обѣщаю имъ также, какъ и мильтцамъ, вскорѣ снова навѣстить ихъ, возвратившись изъ Греціи, апостолъ, какъ бы нѣкоторый залогъ вѣрности своихъ обѣщаній, оставилъ у того же Карпа свою фелонь (верхнюю одежду) и простыя и кожаныя книги, которыя, какъ всегда нужныя, онъ постоянно возилъ и посыпалъ съ собою. Но теперь, имѣя при себѣ очень мало спутниковъ, которые могли бы взять на себя трудъ цереноса вещей, онъ долженъ бытъ на время разстаться съ ними,— и это тѣмъ болѣе было возможно для него, что свои книги онъ могъ получить снова во время предполагаемаго скораго обратнаго путешествія чрезъ этотъ городъ; а фелонь пока была для него лишь лишнею тяжестью, такъ какъ время стояло теплое: бытъ конецъ весны 64 года. Но не предвидѣлъ апостолъ, что его надеждамъ и планамъ не суждено будетъ осуществиться: ему не пришлось воротиться въ Троаду, не пришлось взять и свои оставленные здѣсь вещи. И уже много поспѣло, изъ своихъ вторыхъ римскихъ узъ, апостолъ писалъ св. Тимоѳею: «когда пойдешь (въ Римъ), принеси фелонь, которую я оставилъ въ Троадѣ у Карпа, и книги,

особенно кожанныя (2 Тим. 4, 13). Только въ холодной и сырой римской темнице апостолъ Павель почувствовалъ нужду въ своей верхней одеждѣ и только въ Римѣ, когда прекратились его беспокойные переходы¹ изъ одного города въ другой и изъ одной страны въ иную, онъ пожалѣлъ, что не имѣть съ собою своихъ драгоценныхъ по содержанию книгъ.

Прибытие въ городъ Филиппы, особенность отношений его жителей къ апостолу.

Съ облегченнымъ сердцемъ всходилъ ап. Павель на корабль. Теперь уже ничто, казалось, не могло воспрепятствовать емуѣхать къ возлюбленнымъ филиппийцамъ, и ничто не могло задержать во время предстоящаго недалекаго плаванія. Прежде, во время третьаго обратнаго путешествия этотъ самый морской путь апостолъ совершилъ въ пять дней, то же самое количество времени требовалось и теперь. Морская гавань, къ которой долженъ быть пристать корабль, была городъ Неаполь. Онъ находился при глубокомъ и помѣстительномъ заливѣ и представлялъ собою очень удобное мѣсто для стоянки кораблей. Онъ соединялся съ городомъ Филиппы большою выложенную камнями дорогою, по которой и направился ап. Павель, сиѣша поскорѣе увидать дорогихъ своему сердцу филиппийцевъ. Скоро совершилъ онъ этотъ веселый и короткий путь и скоро былъ въ объятіяхъ филиппийскихъ христіанъ.

Съ великою радостью былъ принятъ филиппийцами давно ожидаемый ими желанный гость. Епископы и діаконы, которыми онъ писалъ привѣтствіе изъ Рима, вышли къ нему на встречу; вышелъ навстрѣчу и радостно привѣтствовалъ его и Енафродитъ. Это тотъ самый филиппіецъ, который былъ посланъ филиппийскими христіанами съ пхъ пожертвованіями для апостола, и который, прибывъ въ Римъ и исполнивъ свое порученіе, не хотѣлъ разстаться съ апостоломъ, но, какъ пишетъ этотъ послѣдній, сдѣлялся его братомъ, сотрудникомъ и служителемъ въ его нуждахъ (Филип. 2, 25—30).—Какъ видно отсюда, Енафродитъ своими трудами помогалъ ап. Павлу добывать тѣ скучные средства, которыя необходимы были для узника, жившаго на собственномъ иждивеніи. Предъ своимъ освобожденіемъ изъ римскихъ узъ ап. Павель отослали этого нужнаго для себѣ человѣка на его родину, къ его соотечественникамъ, ибо видѣлъ какъ хотѣлось ему быть среди нихъ и зналъ, какъ онъ былъ нуженъ имъ и полезенъ своею христіанскою мудростью и благочестіемъ. А въ своемъ Послании къ филиппийцамъ апостолъ пишетъ имъ: примите же его, Енафродита, въ Господѣ, со всякою радостію, и такихъ имѣйте въуваженіи. Ибо онъ за дѣло Христово былъ близокъ къ смерти, подвергая опасности свою жизнь, дабы восполнить недостатокъ вашихъ услугъ мнѣ» (2, 23—30).

Въ высшей степени должна была быть трогательна встреча апостола съ столь дорогими и близкими лицами. Сколько воспоминаний изъ прошлой жизни, сколько вопросовъ о настоящей и гаданий и намѣрений относительно будущей должно было быть высказано съ той и другой стороны! Вѣдь филиппийцы были любимѣйшими духовными дѣтьми апостола; онъ питалъ къ нимъ самое полное довѣrie, только отъ нихъ онъ позволялъ себѣ пользоваться материальною поддержкою. Но за то онъ «всегда» приносить съ радостью свою молитву за ихъ участіе въ благовѣстованіи отъ первого дня даже до конца его пребыванія въ римскихъ узахъ. Онъ такъ интересовался ихъ внутреннею церковно-общественною жизнью, что мало того, что послалъ къ нимъ свое полное выраженіе любви и отеческаго чувства посланіе, отправилъ къ нимъ также и Тимоѳея (2, 19), чтобы узнать о ихъ религіозно-нравственной жизни. Тимоѳея былъ въ Филиппахъ и узналъ, что узнать ему было нужно и поручено, и съ этимъ возвращался въ Римъ къ своему учителю. И теперь этотъ послѣдній, прия съмъ въ Филиппы, отчасти уже былъ знакомъ съ тѣмъ положеніемъ всѣй, которое теперь ему представилось. Онъ писать имъ изъ Рима, обращаясь ко всему обществу: берегитесь исовъ, берегитесь злыхъ дѣлателей, берегитесь обрѣзанія» (3,2). Онъ, какъ видно, предостерегалъ ихъ отъ увлечения лжеученіемъ іудействующихъ, убѣждалъ ихъ заботиться не о своей праведности, которая отъ закона, но о той, которая достигается чрезъ вѣру во Христа, чтобы «познать Его и силу Его воскресенія и участіе въ страданіяхъ Его, сообразуясь смерти Его» (3, 9—10). Онъ умолялъ тогда всѣхъ «стоять въ Господѣ», умолялъ Еводію и Синтию, а особенно Епафродита и Клиmenta помогать всему обществу достигать христіанского совершенства» (4, 1—3).

Что же, теперь, нашелъ ап. Павелъ въ Филиппахъ при своемъ личномъ посѣщеніи этого города?—Должно думать, что кромѣ утѣшительного ничего. Да и странно было бы предполагать, чтобы община, относившаяся къ апостолу съ такою горячою любовию, съ такою преданностью и покорностю, не приняла во внимание и не выполнила со всею точностью апостольскихъ совѣтовъ и увѣщаній. Невозможно допустить, чтобы труды Епафродита и Клиmenta, которымъ было поручено отъ апостола заботиться о филиппийской общинѣ, не оказали благихъ послѣдствій.

Благонріятное религіозно-нравственное состояніе филиппийскаго общества должно было произвести на апостола отрадное впечатлѣніе, особенно если принять во вниманіе то, какъ неудачны и неутѣшигельны были его посѣщенія малоазійскихъ общинъ и городовъ, где влияніе іудействующихъ достигло своего крайняго развитія.

Впрочемъ и здѣсь, въ Греціи, только лишь одни Филиппы

утѣшили ап. Павла; а общества, основанныя имъ въ другихъ городахъ, находились также въ опасномъ состояніи, и требовали личного присутствія среди нихъ самаго апостола и его искреннихъ трудовъ. Такъ что апостоль былъ вынужденъ предпринять путешествіе по городамъ Греціи, во время которого онъ надѣялся удовлетворить духовныя нужды еще неокрѣпшихъ въ христіанской вѣрѣ и знаніи греческихъ церквей. Такимъ образомъ прежде составленный ап. Павломъ планъ его скораго возвращенія въ Малую Азію долженъ былъ измѣниться. Теперь онъ уже отдумалъ прямо изъ Филиппій возвратиться чрезъ Троаду въ Ефесъ къ своему ученику Тимоѳею. Онъ это возвращеніе отложилъ на неопределеннное время, которое потребуется у него положеніемъ вещей. А такъ какъ Тимоѳея ждать его, и такъ какъ онъ несомнѣнно нуждался при своемъ затруднительномъ положеніи въ апостольскихъ наставленихъ, то ап. Павелъ пишетъ ему посланіе. Это и есть наше каноническое первое посланіе къ Тимоѳею.

Въ немъ апостоль старается, насколько то было возможно замѣнить свое обычное личное прибытіе въ Ефесъ подробнымъ изложеніемъ обязанностей его, Тимоѳея, какъ апостольскаго замѣстителя, и сообщеніемъ наставлений, исполненіе которыхъ было необходимо для него, какъ руководителя большою христіанскою общиной. Онъ пишетъ ему о борьбѣ и о приемахъ этой борьбы съ еретиками, съ учениемъ которыхъ ему пришлось ознакомиться во время своего пребыванія въ Малой Азіи; убѣждаетъ и ободряетъ его и приравниваетъ къ добромъ воину. Дасть ему наставленія обѣ устройствѣ ефесского общества, общественного богослуженія, упорядоченія жизни вдовицъ, избраанія и рукоположенія епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, вразумленія рабовъ, и, наконецъ, дасть совѣты относительно его собственнаго поведенія и его собственной жизни. Но, конечно, апостоль хорошо сознавалъ, что посланіе, какъ бы оно не было подробнѣ и обстоятельно написано, никогда не можетъ замѣнить вполнѣ его личное присутствіе. Одно личное присутствіе могло бы сдѣлать письмами многія наставленія посланія, и его авторитетъ могъ бы самъ по себѣ въ весьма значительной степени облегчить положеніе Тимоѳея среди ефесскихъ жителей, считавшихъ себя умудренными философіей и науками. Поэтому-то среди самого раскрытия своихъ отеческихъ апостольскихъ наставлений посланія ап. Павелъ прерываетъ ихъ обычаніемъ скораго личного прибытія въ Ефесъ. «Сіе пишу тебѣ, читаемъ мы, надѣясь скоро прійти къ тебѣ, чтобы, если замѣдило, ты зналъ, какъ должно поступать въ домѣ Божіемъ» (3, 14, 15).—Итакъ, апостоль, собираясь отправиться внутрь Греціи, все-таки еще не оставлять своего прежняго намѣренія о возвращеніи въ Малую Азію, и при томъ о возвращеніи скромъ, хотя и ожидаютъ возможнаго замедленія.

Путешествие въ Фессалоники, Берію и Аеины.

Написавши посланіе къ Тимоѳею и отправивши его съ кѣмъ-нибудь по назначению, ап. Павель вышелъ изъ Филиппъ, направляясь по болыной дорогѣ, которая шла въ Фессалонику. Христіанское общество этого города потребовало отъ апостола не мало заботъ и трудовъ по исправленію и упорядоченію его жизни, его устройства, взаимныхъ отношеній его членовъ и ихъ отношеній къ язычникамъ. Его посланія къ фессалоникцамъ даютъ о нихъ понятіе какъ о людяхъ очень неустойчивыхъ въ своихъ религіозныхъ уображеніяхъ и склонныхъ къ крайнимъ увлеченіямъ различными вопросами религіозной фантазіи.

Устроивши все здѣсь насколько то было возможно и нужно ап. Павель черезъ Берію перешелъ въ Афины. Но онъ не любилъ этого города; не чувствовалъ къ его жителямъ особенного расположения и, видя въ нихъ крайнее легкомысліе въ дѣлѣ религіи, не хотѣлъ по напрасну тратить время и усиля на бесплодные труды, но, предоставивъ ихъ пока волѣ Божіей, отправлялся обыкновенно въ другіе города. Такъ было и въ данномъ случаѣ;—апостольское пребываніе въ Аѳинахъ продолжалось недолго, потому что, кромѣ выше сказанного, само аѳинское христіанское общество было невелико, и несложны были его нужды.

Но то, что могло заинтересовать здѣсь апостола и повергнуть его въ нѣкоторую нерѣшительность относительно своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, такъ это было полученное имъ печальное и тревожное извѣстіе изъ Рима.

Ап. Павель узналъ о произошедшемъ 24 июля 64 года странномъ пожарѣ въ Римѣ и поднятомъ изъ-за него жестокомъ гоненіи противъ христіанъ. Впечатлѣніе отъ этой вѣсти должно было быть особенно сильнымъ и удручающимъ. Это гоненіе противъ послѣдователей И. Христа было первымъ. Положимъ св. апостоль самъ уже нѣсколько разъ испыталъ на себѣ дѣйствіе злобы міра; но тѣ дѣйствія не направлялись такъ рѣшительно и открыто противъ имени И. Христа, какъ это случилось теперь въ Римѣ. При томъ же его страданія, равно какъ и страданія другихъ проповѣдниковъ христіанства были отдельными и болѣе или менѣе понятными, какъ происходившія изъ столкновенія различныхъ началь исповѣдуемыхъ религій: проповѣдники христіанства имѣли дѣло съ представителями другихъ религій,—преимущественно юдейской. Въ Римѣ произошло нѣчто совершенно другое. Здѣсь подвергались страждущимъ пыткамъ, отдавались на растерзаніе звѣрей, распинались на крестахъ, сжигались на кострахъ и гибли на цирковыхъ представленіяхъ не отдельные проповѣдники христіанской религіи, но всѣ ея послѣдователи безъ различія пола, возраста и состоянія. Кромѣ

того, это гонение было возбуждено не однимъ какимъ лицомъ, не возмутившеюся случайно собравшеюся толпою народа, но всѣми римскими гражданами съ императоромъ Нерономъ во главѣ. Здѣсь, такимъ образомъ, сама предержащая власть, которая прежде была защитницей апостола и другихъ христіанъ, и повиноваться которой апостолъ повѣлевалъ всѣмъ людямъ эта власть теперь стала во главѣ преслѣдующихъ.—Ап. Павелъ не зналъ на что рѣшился,—доканчивать ли свое дѣло въ Греции возвратиться ли въ Малую Азію или поспѣшить въ Римъ къ страждущимъ братіямъ. Предпринять ли послѣднее? Но что изъ этого можетъ выйти? Что могъ онъ сдѣлать тамъ для облегченія участіи страдальцевъ? Онъ хорошо зналъ Римъ, знать нравы тамошняго пролетаріата, жаднаго до всякихъ кровавыхъ зрѣлищъ; зналъ также и о томъ жестокомъ своеволіи, которое допускала по временамъ римская власть изъ-за желанія угодить грубымъ инстинктамъ толпы. Никакая проповѣдь, никакія воззванія не могли воздѣйствовать въ благопріятномъ смыслѣ, и самое лучшее, въ этомъ случаѣ, было—дать время охладиться разгоряченнымъ страстиамъ римской толпы и ея неистовствамъ противопоставить христіанское терпѣніе и надежду на помощь Божію. Безполезно было прибытие ап. Павла въ Римъ, безполезно въ смыслѣ какого-либо средства прекращенія гоненія. Онъ могъ идти туда, если желалъ послужить примѣромъ терпѣливаго перенесенія страданій за имя Христово и ободрить этимъ самыми римскими мучениковъ. Но онъ уже въ Лѣинахъ могъ слышать, что римскіе христіане и безъ его примѣра умѣли мужественно умирать за исповѣданіе вѣры Христовой и не нуждались ни въ ободреніяхъ, ни въ поощреніяхъ. Между тѣмъ это ободреніе и утѣшеніе со стороны апостола были нужны для того общества, среди котораго онъ находился теперь.

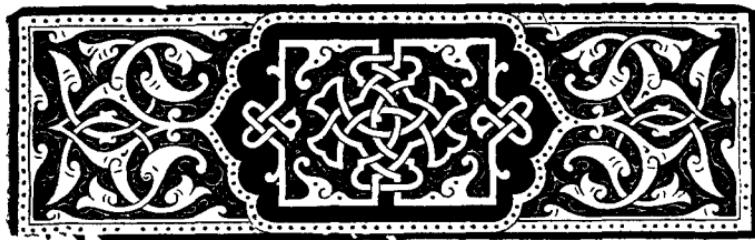
Слухи о жестокомъ римскомъ гоненіи не могли пройти безслѣдно для греческаго общества; ими не примирили воспользоваться іudeи, чтобы и здѣсь возбудить ненависть язычниковъ противъ христіанъ. И хотя изъ исторіи мы не имѣемъ извѣстій о гоненіяхъ, происходившихъ въ греческихъ городахъ, но несомнѣнно настроеніе ихъ языческаго общества сдѣгалось враждебнымъ по отношенію къ христіанамъ. Со дня на день эти послѣдніе могли ожидать, что противъ нихъ поднимется толпа народа, возбужденная іudeями, и будетъ преслѣдоваться, обвиняя въ тѣхъ самыхъ безсмысличныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялись и христіане въ Римѣ. Такимъ образомъ присутствіе ап. Павла среди греческихъ христіанъ было вполнѣ необходимымъ. Отъ него одного они могли ожидать и получить мужественную поддержку и утѣшеніе; лишь при видѣ его неослабнаго рвения они могли не пасть духомъ и безбоязненно глядѣть на настоящее и будущее.

На этомъ основаніи онъ отложилъ и свое возвращеніе въ

Малую Азию. Тамъ вдалекъ оть Рима, христіане были болѣе безошансы оть возможности гоненій со стороны язычниковъ; да и та причина,—пожаръ Рима,—которая послужила поводомъ гоненія, была менѣе понятна обитателямъ Малой Азіи. Поэтому-то ап. Павель предпочелъ остаться въ Греціи, и переходилъ здѣсь изъ одного города въ другой, ободряя и укрепляя христіанскія общества, призываю ихъ къ миру и трудолюбію, и стараясь самъ быть какъ можно незамѣтнѣе для всюду преслѣдовавшихъ его іудеевъ и тѣмъ устранить лишній поводъ къ явному обнаружению противъ себя и своихъ послѣдователей языческой и іудейской ненависти *).

Прот. Н. Орловъ.

*.) Окончаніе будетъ.

Послѣдніе годы жизни св. ап. Павла *).

Пребываніе въ Коринѣ и Никополѣ.

Во время этихъ переходовъ ап. Павла встрѣтилъ нарочито искавшій его Ерастъ изъ Коринеа. Онъ упросилъ св. апостола посѣтить и его родной городъ, въ которомъ также чувствовалась нужда въ его личномъ присутствии. Такъ ап. Павелъ въ началѣ осени 64-го года прибылъ въ Коринѣ,—большой торговый городъ, гдѣ сталкивались по различнымъ побужденіямъ жители всѣхъ тогда известныхъ странъ. Онъ представлялъ собою довольно обширное поле для дѣятельности христианскаго проповѣдника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ было много и элементовъ, вредныхъ для успѣшнаго насажденія среди его жителей христианской вѣры и благочестія. Объ этомъ даются намъ ясное понятіе первое и второе посланія ап. Павла къ коринеянамъ, а равно и повѣствование «Дѣяній» о двукратномъ пребываніи его въ этомъ городѣ. И въ это послѣднее свое пребываніе ап. Павлу пришлось много потрудиться при вдовореніи мира и христианского единодушія между членами коринеянскаго христианскаго общества. Теперь прежнія партийныя споры усилились еще болѣе послѣ того, какъ увеличилось число членовъ, среди которыхъ стали появляться люди, искавшие въ христианствѣ удовлетворенія то своимъ философскимъ стремленіямъ, то низшимъ инстинктамъ своей природы. Эта шаткость и неустойчивость коринеянскаго общества въ христианскихъ истинахъ осталась и послѣ посѣщенія его ап. Павломъ. Оно заявило себя съ плохой стороны въ истории церкви и еще разъ уже послѣ ап. Павла. Такъ Климентъ, ученикъ апостола, писалъ къ коринеянамъ нарочитое посланіе изъ Рима, въ которомъ иувѣщевалъ ихъ твердо держаться преданнаго имъ отъ апостоловъ христианскаго ученія.

* Продолженіе см. Сентябрь.

Несомнѣнно однако, что ап. Павель, замѣчая ненадежное состояніе коринѣскаго общества, пробылъ среди него довольно продолжительное время. По крайней мѣрѣ, временемъ его отбытия отсюда нельзѧ указать болѣе раннѣе, чѣмъ конецъ осени или начало зимы 64 года. Въ посланіи къ Титу на о. Критѣ, онъ пишетъ, что собирается провести зиму въ городѣ Никопольѣ, и туда зоветъ къ себѣ этого своего ученика.

Но что побудило ап. Павла написать Титу это посланіе и провести зиму въ незначительномъ городкѣ?—Это побужденіе застюкалось въ рѣшенії апостола отправиться въ Римъ лишь голько откроется морская весенняя навигація. Это рѣшеніе соѣзжло у апостола не вдругъ, но по мѣрѣ того, какъ приходили извѣстія изъ Рима. Если прежде онъ не счелъ возможнымъ и нужнымъ отправиться на мѣсто гоненія, то теперь его соображенія измѣнились. Онъ узналъ, что гоненіе въ Римѣ постепенно стихло, что народныя страсти успокоились и кровожадные инстинкты пресыщены и удовлетворены: въ римскомъ обществѣ появилось даже нѣкоторое сожалѣніе къ несчастнымъ погибшимъ христіанамъ. Съ другой стороны оставшіеся немногочисленные христіане были въ неутѣшномъ горѣ. Многіе изъ нихъ лишились своихъ родственниковъ и знакомыхъ, много осталось вдовъ и сиротъ, и всеѣ вообще были безъ руководителей въ своей духовной жизни, такъ какъ необходимо допустить, что представители христіанъ: еписконы, пресвитеры и діаконы ранѣе другихъ вѣрюющихъ подверглись во время гоненія преслѣдованию разъяренной толпы. Поэтому если когда и гдѣ нуженъ былъ ап. Павель, то именно въ Римѣ и теперь. Онъ быть нуженъ здѣсь какъ возстановитель христіанской общины, нуженъ быть какъ утѣшитель и какъ проповѣдникъ вообще. Апостолу нельзѧ было не знать этого; какъ невозможно было для него при его ревности не быть въ Римѣ, гдѣ онъ былъ такъ нуженъ. И опь рѣшилъ при первой возможности отправиться туда. А такъ какъ онъ уже пропустилъ время удобное для мореплаванія, и такъ какъ надѣялся прінести и здѣсь нѣкоторую пользу своею проповѣдью, то онъ опредѣлилъ провести зиму въ приморскомъ городкѣ Никопольѣ, гдѣ христіанство, по всей вѣроятности еще не было проповѣдано.

Остановившись на этомъ рѣшенії ап. Павель и пишетъ изъ Коринѣа Титу: ты знаешь, что я оставилъ тебя въ Критѣ, чтобы ты довершилъ тамъ, что осталось недоконченнымъ за непрѣшнѣстію моего отбытия оттуда. Но съ того времени прошло уже болѣе года, и ты, вѣроятно успѣлъ сдѣлать то, что сдѣлать было необходимо. Ты за это время успѣлъ, конечно, не только поставить по всѣмъ городамъ Крита пресвитеровъ, но и избрать себѣ достойнаго преемника, который бы могъ управлять критскою церковью самостоительно. Зная самъ, ты и другимъ показалъ, какъ должно обращаться съ заблуждаю-

щимиися. Но кромъ этого прими во внимание и передай кому слѣдуетъ, и наставленія этого моего посланія. Пусть критяне будутъ въ состояніи самостоятельно руководствоваться въ своей духовной и церковно-общественной жизни. Самъ же ты нужень мнѣ, а потому я прошу тебя, какъ просилъ ранѣе оставаться на Критѣ, прошу поспѣнить прийти ко мнѣ въ Никополь. Всю эту зиму я проведу въ этомъ городѣ; только ты постараися застать меня здѣсь. А до этого времени ты займися критскимъ обществомъ, чтобы оставить его въ надежномъ состояніи. Впрочемъ обѣ этомъ особенно не беспокойся; я принесъ къ тебѣ Артема или Тихика, который и займется твоимъ мѣсто и приметъ на себя твои обязанности; — такъ можно передать своими словами посланіе ап. Павла къ Титу.

Написавши посланіе къ Титу и отиравши его вѣроятно съ Зиною и Аполлономъ, находившимися при немъ въ Коринѣ, самъ апостолъ рѣшился, наконецъ, выѣхать изъ этого города. Онъ, какъ убѣдился самъ изъ предыдущаго своего опыта, полагаяль, что личное присутствіе для исправленія заблуждающихся и для руководства несовершенными, не всегда бываетъ самымъ лучшимъ средствомъ. Иногда и издали можно руководить также хорошо, какъ и вблизи; это, по крайней мѣрѣ, онъ испыталъ на себѣ, когда ранѣе, медля идти въ Коринѣ, воздѣйствовалъ на его христіанское общество чрезъ свое первое и второе посланія. Такъ, можетъ быть, и теперь онъ уходитъ изъ Коринѣа, не доведя его общества до желанного совершенства; уходитъ въ Никополь, чтобы и здѣсь начать христіанскую проповѣдь. За коринеянъ же онъ могъ и не опасаться особенно. Кромѣ того, что Никополь былъ недалеко отъ Коринѣа, апостолъ оставляя здѣсь одного изъ своихъ вѣрныхъ и опытныхъ учениковъ. Въ Коринѣ оставался Ерастъ (2 Тим. 4, 20). Этотъ Ерастъ, будучи до своего обращенія въ христіанство казначеемъ въ Коринѣ (Рим. 16, 23), послѣ обращенія сдѣлался постояннымъ спутникомъ ап. Павла (Дѣян. 19, 22) и раздѣляя его труды во время послѣдняго пребыванія въ родномъ Коринѣ. А когда апостолъ счелъ за лучшее и необходимое выйти изъ Коринѣа, то Ерастъ не безъ апостольскаго согласія остался здѣсь. Онъ, по плану апостола, какъ опытный христіанский наставникъ и проповѣдникъ, и какъ уважаемое лицо среди коринескихъ жителей, долженъ быть достойнымъ апостольскимъ замѣстителемъ. Кромѣ того ап. Павелъ снабдивъ Ераста особыми наставлениями и совѣтами, какъ онъ дѣлалъ это, оставляя Тита на о. Критѣ и посыпая Тимофеемъ въ Ефесъ.

Городъ Никополь, куда прибыль ап. Павелъ, находился на берегу глубокаго залива и отличался обширною торговлею. Благодаря этой обширной торговле и многочисленности народа населенія, Никополь былъ какъ бы центромъ окружнаго язычества, которое и было въ немъ особенно твердымъ. На-

чинать здѣсь проповѣдь христіанства приходилось съ особенною осторожностью; а ожидать осязательныхъ плодовъ ея можно было только спустя значительное время и притомъ только послѣ многихъ трудовъ и усилий. Конечно и здѣсь были юдеи, какъ были юдейские прозелиты и пришельцы вратъ; чрезъ нихъ было всего удобнѣе для ап. Павла начать свою проповѣдническую дѣятельность. Но даже и эта ступень была небезопасна для христіанского проповѣдника теперь, когда еще изъ памяти жителей не изгладились впечатлѣнія римскаго гоненія по поводу тамошняго пожара. Такъ что ап. Павелъ, прибывъ сюда, не сразу выступилъ проповѣдникомъ христіанства со всею свойственную ему ревностію. Не мало времени потратилъ онъ на предварительное ознакомленіе съ самимъ городомъ и еще болѣе съ его жителями. И только убѣдившись, что нашелъ въ ихъ сердцахъ достаточно удобную почву для христіанской религіи, онъ приступилъ къ самой проповѣди. Но едва-ли онъ имѣлъ значительный успѣхъ. Слишкомъ крѣпка была здѣсь языческая религія; здѣшніе жители были слишкомъ заняты посторонними интересами, особенно торговыми и слишкомъ были далеки отъ сознанія своей грѣховности, отъ жажды искушенія, отъ сознанія необходимости благодатнаго возрожденія изъ своей ирежней грѣховной языческой жизни. Да и самъ апостоль употреблять не особенно большія усилия на свою проповѣдническую дѣятельность. Его душа болѣе стремилась въ будущее или покоилась на прошедшемъ. Въ прошедшемъ онъ видѣлъ основанныя имъ по всѣмъ странамъ христіанскія общины, а въ будущемъ—Римъ, римское незначительное теперь христіанское общество, продолжавшее скорбѣть о своихъ сочленахъ, мученически окончившихъ свою жизнь и съ побѣдными вѣнками перешедшими въ царство Господа І. Христа. И самъ апостоль нерѣдко воображалъ себя на мѣстѣ этихъ послѣднихъ и желалъ поскорѣе умереть и быть со Христомъ. Поэтому онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія зимы и начала мореплаванія. Онъ послалъ уже, какъ и предполагалъ, Тихика или Артема къ Титу, и со дня на день ожидалъ къ себѣ этого послѣдняго. Но едва-ли дождался. Вѣрѣе всего предполагать, что Титъ такъ и остался на Критѣ, думая только виослѣдствіи прийти къ апостолу уже прямо въ Римъ. Въ Никонополь онъ не могъ поспѣть до окончанія зимы;—когда было возможно плаваніе по морю, тогда къ нему еще не приходили посланные отъ ап. Павла, тогда онъ еще не успѣлъ укрѣпить и устроить христіанское общество среди критянъ, среди этихъ «жрецовъ, злыkhъ звѣрей и лѣнивыхъ утробъ»; а когда прибыли посланные, когда онъ могъ поручить имъ заботу о критской церкви, тогда уже окончилась морская навигація по случаю зимняго времени. Съ открытиемъ же навигаціи можно было навѣрное разсчитывать, что уже нельзя застать апостола въ Никонополѣ.

Такимъ образомъ ап. Павель, не дождавшись Тита, выбылъ изъ Никополя, лишь только отсюда отправился первый корабль въ Римъ при наступлении весны. Въ новооснованномъ христіанскомъ обществѣ онъ оставилъ кого-нибудь изъ своихъ спутниковъ, или просто поручилъ его заботамъ и вниманию сосѣдней ближайшей коринѣской церкви. Что стало по отбытии апостола съ церковю Никополя, какъ она росла и усовершенствовалась, судить объ этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ. Теперь на мѣстѣ прежняго богатаго и славнаго Никополя стоять незначительная деревенька Палеопрѣвѣзъ,—жалкія развалины прежняго величія.

Вторичное пребываніе ап. Павла въ Римѣ.

Раннею весною 65 года приближался ап. Павель на своеемъ кораблѣ къ остійской гавани Рима. Это было уже его второе путешествіе въ столицу. Первый разъ онъ путешествовалъ въ качествѣ узника въ сопровожденіи стражи; и его путь, потому, былъ не таковъ, какъ теперь; тогда онъ долженъ былъ слѣдовать по указанію своихъ стражниковъ. Въ это же путешествіе онъ свободно располагалъ собою. Поэтому онъ прибылъ прямо въ остійскую гавань, не желая высаживаться ранѣе и тратить лишнее время на путешествіе пѣшкомъ. Городъ и гавань Остія расположены при устьѣ р. Тибра и соединены съ Римомъ прекрасною остійскою дорогою. По ней и направился апостоль со своими оставшимися двумя спутниками Димасомъ и Лукою. Всѣ другіе спутники были оставлены апостоломъ въ различныхъ пунктахъ его предыдущаго путешествія, для удовлетворенія нуждъ тамошнихъ христіанскихъ обществъ. Да они къ тому же неособенно были нужны апостолу при настоящихъ условіяхъ. Онъ приходилъ сюда уже въ знакомое ему мѣсто; ему известны были лучшіе, чѣмъ кому-либо другому мѣстные условія города; равно какъ оставались въ живыхъ тѣ изъ христіанъ, которые были обращены къ новой религії его собственною проповѣдью. Все это могло служить и служило для апостола значительною поддержкою его доброго душевнаго настроенія.

Но много, однако, было и такого, что тяжелымъ камнемъ лежало на душѣ апостола. Это, прежде всего, еще неизгладившееся изъ памяти страшное гоненіе, о которомъ онъ такъ много наслышался, еще будучи вдали отъ Рима. Правда, по тѣмъ же слухамъ гоненіе давно уже прекратилось; народное неистовство также улеглось: оно не могло долго продолжаться уже по тому одному, что было слишкомъ сильно. Это отмѣчаетъ и римскій историкъ Тацитъ, описавшій въ своей лѣтописи какъ римскій пожаръ, такъ и гоненія христіанъ по итогу этого пожара. Разсказавши о всѣхъ жестокостяхъ, о

всѣхъ страшныхъ пыткахъ, обѣ издѣвательствахъ и черни и императора Нерона надъ христіанами, онъ присовокупляетъ, такое замѣчаніе: «всѣдѣствіе этого, въ отношеніи къ виновнымъ хотя и заслужившимъ, самого строгаго наказанія, возникло состраданіе, будто они (христіане) гибли не въ видахъ общѣственной пользы, но на удовлетвореніе жестокости одного» (15, 44).

Въ томъ, что гоненія уже прекратились, что перестали мучить и преслѣдовать христіанъ, конечно, для ап. Павла было неособенно много утѣшительнаго. Этого нужно было ожидать, этого требовало здравое разсужденіе: въ противномъ случаѣ слишкомъ долго была бы нарушенна божественная правда и человѣческая справедливость. Ап. Павель въ прекращеніи гоненія видѣлъ для себя возможность свободного и безопаснаго вступленія въ городъ Римъ. Но онъ еще не зналъ, насколько безопасна будетъ его предстоящая здѣсь проповѣдническаго дѣятельность. Эта неизвѣстность и смущала апостола. Сильно огорчала апостола также и мысль о многихъ погибшихъ во время гоненія его друзей, имъ же обращенныхъ въ христіанство. Но еще тяжелѣе должно было быть для него представление о той бѣдственной участіи, которую приходилось теперь переносить оставшимся въ живыхъ христіанамъ. Онъ много слышалъ обѣ этомъ; а его любвеобильное сердце ожидало встрѣтить еще худшее; оно напередъ трепетало отъ той картины бѣдствий, которую было необходимо увидать ему при вступленіи въ самый Римъ.

Дѣйствительно, чѣмъ ближе подходитъ ап. Павель къ Риму, тѣмъ все безотраднѣе становились встрѣчающіяся картины жизненной сцены и дѣятельности. По той же самой остійской дорогѣ, по которой шелъ теперь апостоль, медленно двигавшись различныя тяжести и материалы для отстраивавшагося Рима. Со времени пожара прошло еще очень немногого времени, и то опустошеніе, которое было произведено имъ, конечно не могло быть восстановлено за такой короткій срокъ. Изъ прежнихъ четырнадцати римскихъ кварталовъ, на которые дѣлился весь городъ, только четыре остались нетронутыми, три разрушены до основанія, а въ остальныхъ семи видѣлись стѣды строеній полуразрушенныхъ пламенемъ. «Было бы невозможно счесть все количество домовъ, лавокъ и храмовъ, тутъ погибшихъ,—говорить Тацитъ (15, 41). Ап. Павлу приходилось входить въ городъ не по прежнимъ тѣснымъ улицамъ, сплошь застроеннымъ высокими домами, имѣвшими лишь то преимущество, что своею тѣнью прикрывали отъ жары прохожихъ. Теперь улицы шли по заранѣе опредѣленному направлению и отличались сравнительно значительною широтою; вышина строеній была опредѣлена и ограничена; были сдѣланы открытые дворы, и устроены съ лицевой стороны для ихъ прикрытия портики. Запрещено было имѣть общія стѣны, но каж-

дое строеніе должно было имѣть свои отдельныи. «Все это было предпринято въ видахъ пользы и содѣйствовало красотѣ города», говорить тот же Тацитъ (15, 42). Чѣмъ дальше шелъ апостоль по этимъ улицамъ къ центру города, тѣмъ яснѣ становились саѣды пожара. Онъ увидѣлъ здѣсь одни лишь развалины отъ великолѣпныхъ прежде храмовъ. «Вмѣсто прежняго погибшаго великолѣпія, вмѣсто древняго историческаго Рима импер. Неронъ, захвативши городскую землю, строилъ на ней себѣ домъ, въ которомъ по отзыву Тацита, заслуживши удивленія уже не драгоценныи камни и золото, обычные предметы роскоши, а цѣлья поля, озера; здѣсь идутъ лѣса, а тамъ открытыя мѣста и виды».

Прошелъ ап. Павель мимо этихъ причудливыхъ затѣй незнавшаго границъ въ проявленіи своего своеволія императора Нерона, и направился въ отдаленную часть квартала. Здѣсь онъ, по заранѣе опредѣленному плану, расчитывалъ найти уцѣлѣвшій или вновь выстроенный домъ какого-нибудь бѣдника христіанина, оставшагося въ живыхъ послѣ страшнаго гоненія. Небольшое, теперь, христіанское общество, услыхавъ о прибытии апостола, собралось во всемъ своемъ составѣ, чтобы посмотреть и послушать великаго проповѣдника. Много было предметовъ бесѣды, которыми нужно было подѣлиться и той и другой сторонѣ. Ап. Павель немало рассказывалъ о своемъ путешествии, о плодахъ своей проповѣднической дѣятельности за этотъ періодъ времени, и о тѣхъ страданіяхъ и гоненіяхъ, которыхъ ему пришлось потерпѣть за свое благовѣстіе. Римскіе христіане съ своей стороны постарались дополнить тѣ отрывочные свѣдѣнія о ихъ прошедшемъ бѣдствіи, о которомъ апостоль зналъ только кое-что и по большей части изъ вторыхъ рукъ.

Въ бесѣдахъ на слѣдующихъ собраніяхъ апостоль началь уже свою просвѣтительную дѣятельность. Оставшися послѣ гоненія, римскіе христіане принадлежали по своему общественному положенію къ бѣднѣйшему классу, а по своему церковному — къ простымъ вѣрующимъ; едвали среди нихъ нашлось нижесколько пресвитеровъ и діаконовъ. Поэтому со стороны апостола потребовалось прежде всего усовершеніе ихъ въ христіанскомъ познаніи. Главные догматы христіанства, конечно, были имъ небезъизвѣстны.—знаніе ихъ было необходимо для принятия крещенія,—но они были нетверды въ различныхъ правилахъ христіанской дисциплины и христіанской нравственности. Къ разъясненію и внушенію этихъ правилъ и приступилъ ап. Павель, кратко упомянувши обѣ истинахъ догматическихъ. По сказанію апокрифической книги, такъ называемой «Періоды Петра и Павла», онъ говорилъ съ ними о законѣ обрѣзанія, о соблюденіи субботы, о значеніи воздержанія въ пищу и питью и т. п.—Отъ просвѣщенія и воспитанія уже прежде принявшихъ христіанство ап. Павель постепенно пере-

шелъ къ проповѣди христіанства и среди язычниковъ-римлянъ. Мало-помалу его проповѣдь изъ хижинъ бѣдняковъ—ремесленниковъ была перенесена имъ въ дома богатыхъ и знатныхъ гражданъ. Также книга «Періоды» разсказываетъ намъ объ обращеніи въ христіанство Кандиды, жены царскаго тѣлохранителя Кварты.—Такимъ образомъ, какъ и въ первое пребываніе апостола въ Римѣ, христіанство стало извѣстно и въ кесаревомъ домѣ, въ царскомъ дворцѣ.

Это были, конечно, утѣшительные плоды для апостола, но они же положили и конецъ его дальнѣйшей дѣятельности въ Римѣ. Начала ли грозить жизни ап. Павла опасность вслѣдствіе ожидаемаго или уже сдѣланаго доноса, или быстрое и широкое распространеніе христіанства вновь возбудило въ римской толпѣ неизрѣзанныя чувства по отношенію къ христіанамъ, но только онъ долженъ былъ прекратить въ Римѣ свою проповѣдь. Тѣлохранитель Квартъ, обращенный въ христіанство своею супругою, узнавъ о грозившей христіанству и апостолу опасности, счѣль долгомъ предупредить этого послѣдняго и предложилъ ему удалиться на время изъ Рима въ какое-либо другое мѣсто.

Ап. Павелъ оцѣнилъ разумность предложенія Кварты, но колебался въ его выполнении, равно какъ и не зналъ, куда направиться ему, оставивши Римъ. Оставленіе имъ Рима нужно было для него самого, потому что ему стали грозить узы и преслѣдованія; нужно оно было и для римского христіанского общества, которое могло теперь развиваться само-по себѣ въ тиши обыденной жизни, не навлекая на себя чрезъ необычайное дѣйствіе Павловой проповѣди вниманіе римской толпы и римскихъ властей; наконецъ, настроеніе римского языческаго общества было въ то время таково, что пребываніе ап. Павла въ Римѣ дѣжалось по меньшей мѣрѣ безполезнымъ.—Христіанское общество Рима подъ личнымъ благотворнымъ воздѣйствіемъ апостола возросло и окрѣпло. Но его ростъ произошелъ на счетъ тѣхъ впечатлѣній и обстоятельствъ, которыя были слѣдствіемъ римскаго по жара и гоненія. Когда же эти впечатлѣнія ослабли, когда обстоятельства того времени пріобрѣли совершенно другое направление, тогда ростъ христіанства долженъ былъ на нѣкоторое время прекратиться или, по крайней мѣрѣ, идти впередъ менѣе быстрыми шагами.

Съ этого времени началась та полная чудовищныхъ поступковъ жизнь импер. Нерона, которую онъ велъ до самой смерти. Умертвивъ свою мать, умертвивъ жену Октавію и женившись на Поппѣѣ, отѣславшись отъ Бурра его умерицленіемъ, Неронъ, наконецъ, прекратилъ и жизнь Сенеки, этого послѣдняго своего доброго генія-руководителя. Лица, которыя теперь окружали его, вполнѣ раздѣляли всѣ его безобразія и жестокости и сочувствовали имъ; они были сами такими же неронами. Начались казни знатныхъ и богатыхъ, началось преслѣдованіе добродѣтели и

всего того, что не хотѣло беззмысленно и безцѣльно попирать законы справедливости, нравственности и религіи. Всѣ лица, окружавшіе Нерона, готовы были, отказавшись отъ всего святаго, презрѣвши своихъ языческихъ боговъ и ихъ законы, вслѣдь за нимъ поклоняться амулетамъ-талисманамъ, которые ихъ ни къ чemu не обязывали. Другіе классы римскаго общества старались во всемъ подражать Нерону и окружающимъ его. Римскіе историки Светоній и Тацитъ единодушно одними и тѣми же красками описываютъ тогдашнее потерявшее всѣ нравственные устои римское общество. У Тацита напр., мы читаемъ, что между тѣмъ какъ городъ былъ наполненъ печальными процессіями похоронъ жертвъ нероновой жестокости, въ храмѣ Капитолія не было конца приношенню жертвъ. У одного убить сынъ, у другого братъ, у тѣхъ родные и друзья, но они благодарили боговъ, украшали лаврами свои дома, припадали къ ногамъ Нерона и утомляли его руку поцѣлуями (15, 71). О простомъ же народѣ, о римской черни и говорить нечего. Общественные игры и зрѣлища, которыхъ по распоряженію Нерона должны были совершаться съ особенной пишностью, виолѣнѣ поглащали все время, всю заботу и весь интересъ средняго и низшаго классовъ римского общества. Такимъ образомъ настроеніе римского общества было совершенно противоположнымъ тому, которое могло бы благопріятствовать принятию христіанскихъ истинъ. Постоянныя жертво-приношенія языческимъ богамъ, обязательное участіе въ нихъ всѣхъ и каждого, дѣлали черзвычайно опаснымъ послѣдованіе христіанской религіи, непозволявшей какія-либо отношенія къ язычеству. Да, теперь въ Римѣ ничего не благопріятствовало проповѣднической ревности ап. Павла; и справедливъ быть совсѣмъ тѣлохранителя Квarta, чтобы онъ удалился изъ Рима.

Удаленіе изъ Рима.

Но, можетъ быть, для ап. Павла наступило время претерпѣть мученичество за имя Христово? Можетъ быть теперь насталъ часъ исполненія его давнишняго желанія отрѣшившись отъ земного и быть со Христомъ?—Это могло быть желаніемъ апостола; но онъ не зналъ, какъ оно согласно съ волею Божіею, какъ онъ не зналъ, куда ему удалиться изъ Рима, если это было дѣйствительно необходимо для него. Нужно было за разрѣшеніемъ этихъ недоумѣній обратиться къ Господу Богу. Онъ послать его на проповѣдь къ язычникамъ, Онъ же и откроеть, докончили онъ эту дѣятельность, или же долженъ продолжать въ какой-либо другой странѣ, среди иныхъ народовъ. И ап. Павелъ, всегда полагавшійся на Бога и Его премудрое руководительство, обратился и теперь къ Нему съ

горячою молитвою. Богъ не оставилъ въ невѣдѣніи своего вѣрнаго раба и въ особомъ видѣніи ему было открыто, что его дѣятельность не должна остановиться на настоящемъ. «Встань, Шанель,—говорилъ ему явившійся Господь, иди къ испанцамъ и будь имъ врачемъ!»—Такъ было указано новое мѣсто для проповѣднической дѣятельности ап. Павла. Послѣдний не медлилъ привести въ исполненіе божественное вѣльніе; и тѣмъ съ болышею быстротою и ревностію принялъ онъ за осуществленіе мысли объ испанскомъ путешествіи, что она не была чужда ему и прежде. Напротивъ, она была у апостола еще очень давно, и если онъ не осуществилъ ее до сего времени, то единственно вслѣдствіе совершенно неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ его жизни. Теперь его личное положеніе и стеченіе историческихъ обстоятельствъ были вполнѣ благопріятны для его испанской проповѣднической дѣятельности; это подтверждало и божественное откровеніе, бывшее въ видѣніи. Поэтому на другой же день послѣ видѣнія, ап. Павелъ объявилъ римскому христіанскому обществу, что онъ, согласно новелѣнію Божию, долженъ отправиться въ Испанию.

Конечно римскимъ христіанамъ по естественнымъ человѣческимъ свойствамъ нежелательно было разставаться съ апостоломъ. Но его бесѣды и доводы убѣдили ихъ въ необходимости этой разлуки, и они примирились съ нею какъ съ неизбѣжною. Они, собравшись всѣ вмѣстѣ, устроили для апостола торжественные проводы и прощались съ нимъ, проливая слезы подобно тому, какъ нѣкогда оплакивали разлуку съ нимъ ефескіе пресвитеры. Но римская братія въ данномъ случаѣ была счастливѣе, чѣмъ эти послѣдніе. Римская братія, умолявшая ап. Павла не оставаться въ Испаніи болѣе года, показанію той же книги «Періоды Петра и Павла», удостоилась слышать голосъ съ неба, который возвѣстилъ, что жизнь апостола окончится въ Римѣ. Ап. Павелъ совершилъ и процѣльную евхаристію — литургію, во время которой вельможи и учительницы бесѣду съ своими слушателями. Случилось, что въ ихъ праведное собраніе попала и одна женщина — Руфина, совершившая прелюбодѣяніе и нераскаявшаяся въ немъ. Св. апостолъ прозрѣлъ Духомъ Святымъ ея грѣхъ и ея нераскаянность и при всѣхъ же обличилъ ее. Кара Божія тотчасъ же постигла преступницу, и у нея отнялась вся лѣвая половина ея тѣла, и онѣмѣлъ языкъ. Всѣ пришли въ ужасъ отъ такого события, но ап. Павелъ утѣшалъ ихъ, говоря, что причина ея бѣдствія служить ея нераскаянность; вѣрующей же и покаяніи никогда не лишается божественного снисхожденія и помилованія.

Окончивши евхаристію, апостолъ по знакомой ему остійской дорогѣ направился къ остійской гавани, намѣреваясь найти здѣсь корабль, отправляющійся въ Испанию. За нимъ ишло много людей изъ римской братіи; среди нихъ были не

только простые римские граждане, но и некоторые изъ знатныхъ фамилий и изъ императорскихъ служащихъ; здѣсь же былъ и пресвитеръ Нарциссъ. Это былъ одинъ изъ довѣренныхъ учениковъ апостола, остававшийся теперь въ Римѣ въ качествѣ руководителя римского общества. Онъ могъ быть его главою во время отсутствія апостола и какъ пресвитеръ и какъ болѣе опытный и совершенный въ христіанской вѣрѣ знаніи и жизни. Его-то наблюдению и попеченію оставлять отъѣзжающей апостолъ римскую церковь и ему особенно заповѣдавъ блюсти все, чemu было наученъ и наставленъ. Вмѣстѣ съ другими провожали апостола и некоторые женщины; онъ выражали свою скорбь по поводу разлуки съ апостоломъ слезами и рыданіями. Невеселая была эта сцена, и тяжелымъ чувствомъ и мрачнымъ предчувствіемъ должна была она наполнить душу апостола. Въ этихъ слезахъ женщинъ онъ кромѣ любви къ себѣ могъ видѣть какъ бы нѣкоторый знакъ слабости римского общества, его неувѣренности въ себѣ, въ твердости своей вѣры и ясности христіанского познанія. Ап. Павель и самъ зналъ это, но не могъ ничѣмъ помочь. Самъ онъ остаться не могъ, не имѣть при себѣ и кого-либо болѣе опытного и авторитетнаго сотрудника; приходилось довѣрить все Нарциссу,—этому лишь простому пресвитеру. Сознаніе нѣкотораго сиротства покидаемаго имъ римского христіанского общества, его беспомощности и духовной беззащитности, ясно сказалось въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ апостола. Когда по прибытии въ самую гавань оказалось, что нѣть ни одного корабля готоваго къ отѣзгу въ Испанию, апостолъ послалъ извѣстить римское общество обѣ этой задержкѣ. Онъ хотѣлъ еще разъ видѣть его членовъ около себя, хотѣлъ еще разъ побесѣдовать съ ними. Опѣ, какъ бы сознавая недостаточность и нетвердость ихъ вѣры и познанія, думалъ укрѣпить и усовершенствовать ихъ во время этихъ дней промедленія. Повидимому и само римское общество сознавало себя находившимся въ такомъ состояніи, и потому, по зову апостолу, какъ сообщаютъ «Періоды», почти все пришло изъ Рима и неустанно слушало великаго иронопѣдника въ продолженіи трехъ дней.

Наконецъ настало время отплытія апостола; онъ послѣдній разъ преподалъ имъ наставленія и увѣщанія и, обнимая ихъ на прощаніе, призывалъ на нихъ благословеніе Господа Іисуса Христа.

Путешествіе по Испаніи.

Испанія, куда направился ап. Павель изъ Рима весною 66 года, своимъ сѣверо-восточнымъ берегомъ находилась отъ остійской гавани очень недалеко, и апостолу до этого пункта на свое плаваніе нужно было бы употребить сравнительно

очень немного времени. Но более чѣмъ сомнительно, чтобы намѣченнымъ мѣстомъ высадки апостола были сѣверовосточные берега. Прежде всего, по свидѣтельству Страбона, эти берега не имѣли въ то время удобныхъ гаваней. А это отсутствие гаваней ясно говорило о неразвитости торговли этихъ прибрежныхъ мѣстностей и о рѣдкихъ сношеніяхъ ихъ съ Римомъ и другими странами. Поэтому едвали ап. Павель нашелъ такой корабль, который бы отправлялся изъ Остіи именно къ сѣверовосточнымъ берегамъ. Да апостоль и самъ не желалъ высаживаться на нихъ. Онъ заботился не о близости конечнаго пункта своего плаванія, но о той возможной пользѣ, которую онъ могъ принести своею проповѣдническою дѣятельностью. Но въ странахъ, лежащихъ по восточнымъ берегамъ Испаніи, равно какъ и далѣе въ глубь полуострова, жили тогда разрозненные племена, среди которыхъ христіанская проповѣдь была бы очень затруднительна и не могла обѣщать благопріятныхъ результатовъ.

Совершенно другое нужно сказать о жителяхъ южной Испаніи, такъ называвшейся Бетики. Бетика или Турдитанія по своему свободному государственному устройству, строго опредѣлившемуся римскими законами, была самою благопріятною мѣстностю для проповѣди апостола. Ап. Павель еще въ Римѣ могъ знать обѣ этихъ особенностяхъ Бетики и рѣшилъ, конечно, воспользоваться случаемъ проповѣдывать Христово Евангелие на доступномъ ему латинскомъ языкѣ подъ покровительствомъ римскихъ законовъ и при вѣротерпимости, которую всюду приносили съ собою римляне завоеватели и римляне колонисты. Кромѣ этихъ благопріятныхъ условій для предстоящей проповѣди апостола къ его поѣздкѣ прямо въ Турдитанію (Бетику) могла склонить его и та сравнительная легкость, съ которой можно было найти для нея корабль въ остійской гавани. «Въ этой римской гавани, по замѣчанію того же Страбона, между различными кораблями, приходящими сюда, самые большие и многочисленные корабли Турдитановъ». Такое постоянное дѣятельное сношеніе Турдитаніи съ Римомъ объясняется въ свою очередь тою торговою дѣятельностью, которая вытекала изъ природныхъ богатствъ этой страны. Богатство Турдитаніи состояло особенно въ прекрасныхъ лѣсахъ, дававшихъ великолѣпный строительный материал; кромѣ того плодородная почва давала обильные урожаи хлѣба; въ хорошемъ тепломъ климатѣ росли богатые виноградники. Эти произведения страны почти исключительно отвозились въ Римъ, и здѣсь, потому, всегда можно было найти разгружавшіеся турдитанскіе корабли. На одномъ-то изъ нихъ и отправился ап. Павель въ новое мѣсто своей дѣятельности.—Плаваніе не могло быть ни продолжительнымъ, ни опаснымъ. Путь, и самъ по себѣ недалекий, значительно сокращался восточными вѣтрами, которые и были для апостола

попутными. Быстро проплылъ апостолъ мимо острововъ Корсики и Сардині; миновалъ нѣкоторые другіе острова, проѣхалъ между Геркулесовыми столбами по Гибралтарскому проливу и высадился въ приморскомъ городѣ Астахъ.

Пребываніе въ г. Астахъ.

Городъ Асты расположень на берегу Атлантическаго океана, при восточномъ рукавѣ большой и многоводной рѣки Бетиса. Жители этого города вели весьма дѣятельную торговлю съ Римомъ и Италией, служа посредниками между ними и жителями внутренней страны Пиринейского полуострова. Отсюда привозились въ Астѣ всѣ продукты годные для вывоза, и здѣсь ждали покупателей для отправки на морскихъ корабляхъ. Торговля и соединенная съ нею возможность обогащенія привлекала въ Астѣ многихъ предпріимчивыхъ людей изъ разныхъ мѣстъ тогдашняго римскаго міра. Здѣсь было много итальянскихъ жителей; сюда прѣѣзжали и восточные купцы, вездѣ искавши мѣста для сбыта своихъ товаровъ; сюда, безъ сомнѣнія, прибывало много и представителей іудейскаго народа. Многіе изъ нихъ дѣлались и постоянными здѣшними жителями. Если они могли быть встрѣчаемы, по словамъ историка Тацита, во всѣхъ городахъ и странахъ римской имперіи, то конечно были и въ Астахъ. Здѣшняя кипучая торговля и возможность легкой наживы насчетъ труда туземныхъ жителей и природнаго богатства ихъ страны были имъ извѣстны и эти жители не избѣжали ихъ эксплуатациі.

Такимъ образомъ и на этомъ, сравнительно далекомъ мѣстѣ отъ Палестины, ап. Павель могъ встрѣтить своихъ единокровенниковъ. Къ нимъ онъ обратился прежде всего и у нихъ искалъ себѣ временнаго пріюта. Представши предъ ними сначала въ качествѣ ищущаго мѣста поселенія и дѣятельности еврея, апостолъ вскорѣ же могъ обнаружить и свою дѣйствительную цѣль прибытія въ Испанію. Это могло обнаружиться само собою вслѣдствіе сосредоточенія апостоломъ всего своего вниманія на духовно-религіозныхъ интересахъ. Если даже у евреевъ г. Асты и не было синагоги, то во всякомъ случаѣ были особенные молитвенные дома, куда они собирались для положенного чтенія и изученія Свящ. Писанія и преданій старцевъ. Здѣсь, на общихъ собраніяхъ чтенія и толкованія закона Моисеева и пророковъ, ап. Павель и открылъ впервые свою проповѣдь о Мессіи Иискупителѣ. Ожиданія Мессіи были свойственны всѣмъ іудеямъ, а іудеямъ разсѣянія еще болѣе; поэтому и ихъ интересъ къ проповѣди апостола, по крайней мѣрѣ на первое время, былъ очень значителенъ. Только послѣ, когда изъ бесѣдъ апостола выяснилось, что онъ проповѣдуетъ имъ не Мессію—Царя славы, котораго они дѣйстви-

тельно ожидали, но Мессию Испупителя, Мессию страждущаго за родъ человѣческій, тогда вниманіе іudeевъ къ проповѣди должно было значительно ослабѣть. Многіе изъ нихъ, какъ это бывало при прежнихъ подобныхъ случаяхъ, уходили отъ него съ насмѣшками, многіе вступали въ горячіе споры, и лишь только немногіе убѣждались проповѣдью апостола и готовы были принять отъ него крещеніе, всѣмъ сердцемъ вѣровавъ въ Господа Иисуса Христа. Но для ан. Павла и этихъ немногихъ было достаточно. Чрезъ нихъ, чрезъ ихъ знакомство съ городскими жителями, — римлянами и туземцами, онъ могъ обратиться съ проповѣдью и къ этимъ послѣднимъ.

Успѣхъ христіанской проповѣди былъ утѣшителенъ для самого проповѣдника. Христіанская религія, обаятельная сама по себѣ, имѣть силу привлекать къ себѣ всѣдѣствіе своей очевидной истинности и благодатнаго дѣйствія. Для туземныхъ жителей Астры ея обаятельность была еще сильнѣе. Причина этого заключалась въ томъ, что ихъ прежняя религія имѣла на нихъ чрезвычайно мало влиянія; въ религиозномъ отношеніи они стояли на весьма низкой ступени развития. Ихъ мифология божествъ была совершенно неразвита и проста; это очевидно уже изъ того, что до насъ не дошло ничего определенного и известного изъ ихъ религіи. Боги испанцевъ, не имѣя твердаго положенія въ ихъ душахъ, не удержались и въ ихъ исторической памяти и скоро совсѣмъ исчезли даже со своими именами не только храмами и памятниками. Уже Страбонъ, желая что-либо сказать о религіи испанцевъ не нашелъ возможнымъ сдѣлать этого, — такъ мало было ему самому известно объ этомъ предметѣ. Мы находимъ у него очень краткое и совершенно неясное выраженіе о религіи туземцевъ. «Нѣкоторые авторы, читаемъ мы у него, говорятъ, что Каудиллы (одно изъ племенъ Испаніи) не имѣютъ боговъ, а Келтиберы и ихъ сѣверные сосѣди по почамъ во время полнолуны планируютъ со всѣмъ семействомъ и циркулютъ предъ дверями своихъ домовъ въ честь какого-то безъимяннаго Бога (3, 4, 16). — Такая религія, конечно, не могла устоять противъ божественной силы христіанской религіи. Для каждого испанца съ полною ясностью должна была представляться эта бѣдность его языческихъ религіозныхъ взорѣй, лишь только ему удавалось ознакомиться съ глубокими, свѣтлыми и жизненными христіанскими истинами.

Кромѣ того путь для распространенія христіанства среди испанцевъ былъ нѣсколько подготовленъ римлянами. Исторически известно, что всюду, куда только они не заявлялись, они вмѣстѣ съ своею властію распространяли свою цивилизацию, свой языкъ, свои законы и нравы. Но вмѣстѣ съ распространениемъ ихъ законовъ и обычаевъ распространялась отчасти если и не римская религія, то римская религіозная терпимость. Допуская въ Римѣ поклоненіе богамъ всѣхъ странъ

и народовъ, римляне и въ своихъ колоніяхъ умѣли всегда проводить въ жизнь свое основное воззрѣніе и религіозное настроеніе терпимости; они вездѣ являлись своего рода развратителями туземнаго религіознаго культа. То же самое они привнесли съ собою и въ Испанию; чрезъ нихъ и въ сердце испанскихъ туземцевъ проникъ духъ сомнѣнія, духъ свободнаго отношенія къ своимъ богамъ и религіознымъ обрядамъ. Религія испанцевъ послѣ того потеряла и то небольшое значеніе, которымъ она пользовалась ранѣе; и прежніе почитатели безъимяннаго бога, принявши обычаи и языкъ римлянъ, готовы были принять и ихъ религію, религіозный культъ. Но послѣдняго не могли сообщить римляне;—во-первыхъ потому, что они никогда не думали навязывать его какому бы то ни было народу, а во вторыхъ и самый религіозный римскій культъ виѣхъ своихъ государственно-общественныхъ обрядовъ представлялъ собою нѣчто неуловимое и неудобовоспрѣемлемое. Римляне были практическіе дѣятели; они учили жизни для жизни по правиламъ и законамъ чисто человѣческимъ; но не могли учить жизни духовной, жизни вѣры и религіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они скорѣе всего были готовы сами воспринимать и заимствовать отъ другихъ народовъ ихъ нѣкоторые религіозныя воззрѣнія. Испанцы, научившись отъ римлянъ правиламъ и законамъ жизни общественной, вѣнчаней, за правилами и законами жизни внутренней, за религіей и за религіозной благодатію должны были обратиться къ другому источнику.

Этимъ-то источникомъ и явилось христіанство для жителей Испаніи. Религіозная жажда, особенно послѣ того какъ были подорваны римскими скептицизмомъ ихъ послѣдніе религіозные устои, должна была возрасти въ испанцахъ до особенной степени напряженности. Имъ необходимо было искать воды живой, воды для своей души, немогущей удовлетворяться жизнью земныхъ интересовъ, чѣмъ удовлетворялась душа практическихъ римлянъ. Духовная природа испанцевъ не была еще искажена; не напрасно Страбонъ называлъ ихъ мягкими по характеру и общительными, т. е. доступными вліянію правды, истины и добра. Поэтому они съ радостію, какъ давно желанного гостя, приняли ап. Павла и всей душой предались новой для нихъ проповѣдью религіи. Ап. Павель уже успѣлъ ознакомиться съ пустотою и бесодержательностью ихъ прежней религіи, понять и прозрѣть ихъ томленіе отъ неимѣнія истиннаго богопознанія. Онъ узналъ о томъ, о чѣмъ говорить Страбонъ, узнать, что они между другими богами поклонялись и Богу незнаемому, неизвѣстному; а потому онъ могъ говорить имъ, какъ говорилъ нѣкогда аѳинянамъ въ ихъ ареопагѣ. Онъ могъ свою проповѣдь къ испанцамъ начать обращениемъ: сего Бога, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ (Дѣян. 17, 23). Испанцы были подобны аѳиня-

намъ въ почитаніи невѣдомаго Бога, но они еще не успѣли настолько осуетиться, какъ осутились тѣ, ища премудрости, по выражению апостола. Сердца испанцевъ были болѣе просты и болѣе доступны воспріятію божественной истины изъ устья проповѣдника. Поэтому и нельзя было ожидать, чтобы они сказали апостолу, какъ сказали ему аѳинянамъ: «объ этомъ (о воскресеніи мертвыхъ) мы послушаемъ тебя послѣ» (Дѣян. 17). Испанцамъ былъ чуждъ аѳинскій скептицизмъ, и они съ открытымъ сердцемъ и нелицемъ върою воспринимали въ свою душу всѣ слова апостола о великихъ истинахъ христіанской религіи. Съмъ христіанской апостольской проповѣди, павшее на добрую почву, скоро возросло и принесло плодъ стоприцею. Христіанское общество Астъ возростало въ количествѣ своихъ членовъ и усовершенствовалось въ качествѣ ихъ христіанской вѣры, познанія и жизни по вѣрѣ.

Апостоль могъ бы ограничиться однимъ городомъ Асты, какъ мѣстомъ своей проповѣднической дѣятельности и не выходить изъ него никуда. Но кромѣ того, что апостоль не имѣлъ обыкновенія долго оставаться въ одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ и по другимъ основаніямъ долженъ былъ перенести свою проповѣдь въ другіе города Испаніи. Онъ сознавалъ, что христіанство въ торговомъ приморскомъ городѣ, какимъ были Асты, не могло быть особенно устойчиво и надежно. Поэтому еще во время пребыванія въ Астахъ онъ предпринималъ временныя путешествія въ окрестные города и былъ въ Астуріи, Мерида и др. Полное право предполагать это даетъ намъ св. Кипріанъ, который въ своемъ 57 письмѣ упоминаетъ какъ уже о славныхъ и въ его время церквяхъ Леонской, Астурійской, Мерицкой и Сарагосской. Вѣрнѣе полагать, что эти церкви были основаны самимъ апостоломъ Павломъ, а не какими-либо другими проповѣдниками. Объ этихъ послѣднихъ ничего неизвѣстно, тогда какъ объ ап. Павлѣ мы знаемъ, что онъ путешествовалъ въ Испанію съ проповѣдническою цѣлію. И отвергать происхожденіе некоторыхъ церквей отъ ап. Павла только лишь потому, что эти церкви сами не знаютъ своихъ основателей, едва ли справедливо. Конечно, было бы другое дѣло, если бы эти испанскія церкви указывали и называли своими основателями прямо другихъ проповѣдниковъ, а не ап. Павла. Но въ дѣйствительности этого мы никогда не видимъ. Поэтому вполнѣ справедливо слѣдующее разсужденіе историка Пресанса применять по преимуществу къ ап. Павлу. «Труды миссіонеровъ, принесшихъ евангеліе въ Испанію извѣстны только по ихъ плодамъ, но если ихъ имена погибли, то слѣды ихъ ногъ замѣтны, глубоко напечатлѣнныя на той землѣ, гдѣ столько племенъ замѣщали одно другое». (Том. I, 45).—Церковь Испаніи была уже важна въ концѣ третьяго вѣка, ибо въ гоненіе Діоклетьана здѣсь прославилось много христіанскихъ мучениковъ; а въ четвертомъ вѣкѣ было нѣсколько соборовъ.

Насадивши христіанство въ Астахъ и его окрестныхъ городахъ, ап. Павель думалъ пройти съ своею проповѣдью по возможности по всей странѣ Испаніи; онъ хотѣлъ видѣть ея народы и послужить ихъ просвѣщенію. Ничто не препятствовало ему въ исполненіи того желанія. Испанія, находившаяся подъ властью римлянъ представляла всѣ достуныя тогда удобства для путешествія. Вездѣ встрѣчались благоустроенные города, торные и безопасныя дороги, и вездѣ действовала сильная власть римскихъ сановниковъ, которые въ случаѣ нужды всегда могли оказать ап. Павлу, какъ римскому гражданину, свою защиту и покровительство. Ап. Павель не преминулъ воспользоваться всѣми этими удобствами, и, оставивъ Асты, направился вглубь страны испанского полуострова.

Кому же поручать онъ оставляемую имъ христіанскую общину Асты? Съ нимъ не было такихъ вѣрныхъ и опытныхъ учениковъ, какіе сопровождали его по Малої Азії. Въ Испанію онъ прибылъ одинокимъ, а здѣсь за короткое сравнительно время своего пребыванія не успѣлъ образовать и воспитать изъ туземцевъ учениковъ подобныхъ св. Тимоѳею или Титу. Поэтому хотя и съ горечью и съ опасеніемъ апостоль, оставляя Астскую церковь, поручалъ ее ей же самой, надѣясь на ея собственную твердость въ вѣрѣ и совершенство въ познаніи христіанскихъ истинъ, а главное, конечно, полагаясь на Божественный промыслъ. Самимъ членамъ новоустроившейся христіанской общинѣ во главѣ съ епископомъ и пресвитерами ап. Павель завѣщаі пещись о ея собственномъ духовномъ преуспѣяніи. Онъ заповѣдалъ имъ блюсти все то, что они слышали отъ него, и совѣтывалъ имъ заниматься особенно усердно чтеніемъ и изученіемъ Свящ. Писанія, какъ иѣкогда онъ совѣтовалъ св. Тимоѳею, оставляя его самостоятельнымъ руководителемъ Ефесской церкви. Великий проповѣдникъ, если и не расчитывалъ еще разъ побывать въ Астахъ, то вѣровалъ, что всемогущій и всеблагой Богъ возраститъ и укрѣпитъ то, что онъ посыпалъ на этой духовной испанской почвѣ.

Посѣщеніе города Астиги.

Съ надеждою на Бога и на Его иремудрый промыслъ ап. Павель отправился изъ Астъ вверхъ по течению рѣки Бетиса. Эта многоводная рѣка была доступна для плаванія даже и очень значительныхъ кораблей; по крайней мѣрѣ, по сообщенію Страбона, корабли могли доходить до самой Кордубы. Дальше же внутрь страны путь совершался или пѣшкомъ или верхомъ на выночныхъ животныхъ. По берегамъ Бетиса, какъ по своего рода торговой дорогѣ стояли довольно часто многолюдные города, которые служили средоточными пунктами для тор-

говой дѣятельности. Апостолу пришлось проѣхать мимо Небриссы, Оришпо, Гисаплиса, Аксати, пока не прибылъ въ большої и торговый городъ Астиги. Этотъ городъ находился при впаденіи въ р. Бетисъ его притока Урія, и его жители пользовались всѣми выгодами, которыя можно извлечь изъ двухъ ехавшихся водныхъ путей сообщенія: по Бетису приходили къ нимъ товары съ сѣверо-востока, а по Урію—съ востока. Астиги служили нѣкоторымъ складочнымъ пунктомъ, и уже изъ него товары шли далѣе по Бетису къ приморской гавани. Поэтому здѣсь всегда была кишучая торговля; здѣсь можно было встрѣтиться со многими народностями, и можно было найти средства осуществленія многихъ интересовъ.

Влекомый интересомъ просвѣтительной миссіонерской дѣятельности прибылъ въ Астиги и ап. Павелъ. Апостольская проповѣдь въ этомъ городѣ должна быть,—и таковою была въ дѣйствительности,—очень успѣшною и плодотворною. Здѣсь, какъ и въ Астахъ, навстрѣчу апостольскихъ убѣжденій оставить свои прежнія языческія заблужденія и обратиться къ вѣрѣ во Христа, шли и нетвердость жителей въ своей языческой религіи и ихъ способность воспринять болѣе чистое и возвышенное христіанское ученіе обѣ истинѣ. Но сравнительно съ астцами жители Астиги обладали и нѣкоторыми премуществами для восприятія апостольской проповѣди. Они были чужды той сутиности и суеверности, которая успѣла уже сообщиться астцамъ, какъ жителямъ приморского города. Къ тѣмъ привилась римская практичность, а вмѣстѣ съ нею привилося и то легкомысленное отношеніе къ интересамъ вѣры и духа, чѣмъ отличались и даже хвалились извѣршившіеся римляне. Всѣдѣствіе этого ап. Павлу сравнительно трудно было основать въ Астахъ христіанскую церковь, какъ не возможно было поручиться, что она павсегда останется вѣрною апостольскому завѣту и пойдетъ прямымъ путемъ христіанского совершенствованія въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. А то, что въ Астахъ не сохранилось никакого преданія о слышанной здѣсь нѣкогда христіанской проповѣди изъ устъ самого апостола, вполнѣ подтверждаетъ все сказанное о свойствахъ и особенностяхъ астцевъ: они, увлекшись мірскими заботами, совершенно забыли обѣ апостолѣ и легкомысленно допустили изгладиться изъ своей памяти и съ ихъ почвы характернымъ слѣдамъ апостольской дѣятельности.—Этого не случилось съ жителями Астиги.

Астигійцы, вѣроятно предувѣдомленные о предстоящемъ прибытіи ап. Павла изъ Асты, съ радостію встрѣтили христіанского проповѣдника. Среди нихъ нашлись и такие, которые, будучи въ Астахъ, слышали тамъ проповѣдь апостола, и прибывши теперь сюда, въ Астиги, были посредниками между апостоломъ-проповѣдникомъ и его новыми слушателями астигійцами. Они еще раньше, чѣмъ прибыль сюда ап. Павель,

сообщили своимъ согражданамъ сущность апостольского учения, сущность христіанской вѣры; своими разсказами они къ прибытію апостола успѣли возбудить сильный интерес къ новой религіи. Такъ что, когда среди нихъ явился самъ ап. Павелъ, то ему пришлось дѣлать свое дѣло не съ самаго начала, но съ нѣсколько болыаго. Ему уже не нужно было возбуждать въ астигійцахъ интересъ къ себѣ и къ своей проповѣди. Они и безъ того уже интересовались имъ; равно какъ интересовало и тревожило ихъ сердце и мысли содержаніе его проповѣди. Теперь они хотѣли лично и болѣе подробно ознакомиться съ проповѣдникомъ и проповѣдуемымъ имъ ученіемъ. Для ап. Павла, такимъ образомъ, не нужно было, такъ сказать, рекомендовать астигійцамъ себя и свое ученіе; ему приходилось уже раскрывать предъ ними тайны христіанского ученія о совершившемся искуплѣніи рода человѣческаго чрезъ воплотившагося Сына Божія Господа нашего Иисуса Христа. И чѣмъ живѣе и искреннѣе было интересъ астигійцевъ, тѣмъ дѣйственнѣе было для нихъ слово апостольской проповѣди. Если они пришли на бесѣду съ апостоломъ съ полнымъ сознаніемъ своей грѣховности, своихъ языческихъ заблужденій и необходимости измѣнить свою жизнь; если пришли съ открытымъ для воспріятія истины сердцемъ, то ни одно слово апостольской проповѣди не могло пасть даромъ. Они въ этомъ слушаѣ явились тою удобною почвою, которая обладая достаточною злагою и внутренними соками, возвращаѣтъ принятое въ себя зерно, и это послѣднее приноситъ плодъ сторицею. Слова апостольской проповѣди, западая въ души астигійцевъ, производили въ нихъ рѣшительный переворотъ; они какъ бы сразу перерождали ихъ и заставляли,—сначала въ намѣреніи,—живть новою жизнью сообразно съ новымъ ученіемъ. Ап. Павелъ радовался этой восприимчивости своихъ новыхъ духовныхъ чадъ и еще съ большою любовною радостю раскрывалъ предъ ними тайны христіанской вѣры, силы христіанской надежды и упованія и могущество и плодотворность христіанской любви. За оглашеніемъ, за сообщеніемъ христіанскихъ истинъ и вѣнченіемъ твердой вѣры въ тайны христіанства, слѣдовало крещеніе, а потомъ возложеніе и апостольскихъ рукъ для преподанія даровъ Св. Духа. Такъ образовалась среди астигійцевъ христіанская церковь. Правда сначала она была очень немногочисленна. Но постепенно любовь и ревность апостола съ одной стороны, съ другой готовность самихъ жителей дѣлали то, что эта церковь росла все болѣе и болѣе. А вмѣстѣ съ виѣннимъ ростомъ, т. е. увеличеніемъ числа членовъ, происходилъ и внутренній ростъ: крѣпла вѣра ея членовъ, уяснялось и усовершалось познаніе христіанскихъ истинъ, и сильнѣе проявлялась въ нихъ жизни преданность Богу и любовь къ ближнему. Такъ подъ непосредственнымъ руководствомъ ап. Павла астигійское общество приближалось къ совершен-

ному возрасту въ Іисусѣ Христѣ, который долженъ быть служить для нихъ завѣтною цѣлію.

Теперь у апостола могло возникнуть желаніе оставить и этотъ городъ и эту, новоустроенную христіанскую церковь. Она уже достаточно окрѣпла въ вѣрѣ, любви и христіанскомъ познаніи и имѣла среди своихъ членовъ лишь вполнѣ совершенныхъ, которые могли быть поставлены апостоломъ руководителями въ дальнѣйшей церковной жизни. Эти члены, выдающиеся по вѣрѣ и обилию полученныхъ благодатныхъ даровъ, были рукоположены въ пресвитеры и подчинены главному надзору епископа. При столь благоустроенномъ и совершенномъ христіанскомъ обществѣ апостолъ уже не находилъ возможностей приложения своей ревностной дѣятельности. Онъ чувствовалъ себя какъ бы липнимъ въ Астиги. А между тѣмъ зналъ, что тамъ въ глубинѣ полуострова, есть страны и народы, еще совсѣмъ неслыхавшіе христіанской проповѣди. Все это побуждало апостола оставить этотъ столь уѣшившій его городъ и идти далѣе впередъ какъ бы вѣстникомъ пришедшаго на землю царства Божія. Притомъ же, оставляя безъ своего личного руководства астиггійское христіанское общество, апостолъ могъ быть совершенно спокоенъ за его будущее. Дѣятельно надежда апостола не обманула его. Астиггійская церковь не только не отступила отъ преодоленного ап. Павломъ ученія, но только не растеряла полученного, но съ благодарностью сохранила въ своемъ преданіи и память о личномъ присутствіи его въ ихъ городѣ и его личныхъ трудахъ среди ихъ предковъ.

Путешествіе по внутренней Испаніи.

Согласно своему прежде составленному плану,—пройти съ христіанскою проповѣдью чрезъ всю Испанію, ап. Павелъ, оставивши астиггійскую церковь, направился далѣе по рѣкѣ Бетису. Чѣмъ далѣе шелъ онъ вглубь полуострова, тѣмъ мѣстность становилась все малонаселеннѣе; города встречались все рѣже и рѣже, и ему приходилось проходить чрезъ небольшія селенія, отдаленные одно отъ другого большими разстояніями. Какъ климатъ, такъ и почва значительно менѣяли свои свойства. Климатъ становился суще и не такъ былъ тепль, какимъ онъ былъ въ южной части Турдигтаніи. Почва, плодородная на югѣ, покрытая лѣсами и обильная влагой, здѣсь постепенно переходила въ пустынныя каменистые равнины. Пройдя нѣсколько по Бетису, апостолъ вступилъ въ страну Бетурію, которая лежитъ къ сѣверу отъ р. Бетиса по р. Анѣ. Страбонъ замѣчаетъ, что она представляется собою сухія и бесплодныя равнины. Далѣе за Бетуріей на пути апостола лежала Карнетанія. Но свойству климата и почвы это тоже, что и Бетурія. Поверхности этихъ странъ отличаются неровностью, маловодицемъ и

безплодіємъ почвы. Здѣсь жизнь совсѣмъ заглохла бы и пріостановилась, еслибы не тѣ минеральныя богатства, которыми такъ обильны эти страны. Какъ Бетурія, такъ и Каристанія славились издревле богатыми серебряными и золотыми рудниками. По словамъ Страбона, до настоящаго времени нигдѣ на землѣ нѣтъ ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни жељза въ такомъ количествѣ, и такого достоинства какъ здѣсь. Золото добывается не только изъ горъ, но также изъ рѣки, лѣсныхъ потоковъ, которые выносятъ золотой песокъ, находимый даже въ неорошаемыхъ мѣстахъ. Даже при рытьѣ колодцевъ и другихъ подобныхъ случаевъ жители находятъ золотой песокъ, изъ которого посредствомъ промывки получаютъ чистое золото» (Кн. 3, 2, 8).

По этимъ-то обильнымъ металламъ странамъ проходилъ ап. Павель, начиная съ Кордубы, пѣшкомъ. На его пути встрѣчались не торговые города, но лишь заводы и пріиски, а при нихъ небольшія селенія. Въ этихъ селеніяхъ апостоль встрѣчалъ рудокоповъ и ихъ семейства, имъ проповѣдывалъ слово христіанской истины. Но нельзя ожидать, чтобы эта проповѣдь была особенно успѣшна и плодотворна. Приходилось проповѣдывать такимъ людямъ, забота которыхъ всецѣло поглощалась ихъ нелегкою работою. Добываніе руды и ея промываніе отнимало у жителей все время дня; а свободные часы нужны были для отдыха и сна. Только въ эти немногіе часы отдыха апостоль могъ собирать около себя слушателей и обращаться къ нимъ съ проповѣдью о Богѣ, о царствѣ Божіемъ, о загробной жизни, о томъ сокровищѣ, которое соблюдается на небѣ, и которое червь не истребляетъ, моль не портигъ, и воры не крадутъ. Слушая апостола лишь короткое время, лишь урывками и притомъ не успѣвая отрѣшиться отъ своей постоянной заботы о добывающемъ золотъ, рабочіе немного извлекали изъ возвышенной и одушевленной апостольской, проповѣди. Усваивали эту проповѣдь, отдавались ей всей душой и дѣлались истинными христіанами только тѣ, которымъ приходилось бывать на бесѣдѣ съ апостоломъ чаще и долѣе, и которые обладали душою, особенно воспріимчивою, способною увлекаться истиною и добромъ, или уже заранѣе предрасположенною къ усвоенію христіанской проповѣди.

Ап. Павель не оставался здѣсь на одномъ мѣстѣ, но переходилъ съ завода на заводъ, изъ селенія въ селеніе, и былъ въ городахъ Либизозѣ, Ляминіи, Толетѣ и др. Невдо-Метафрастъ и лѣтописецъ Глика рассказываютъ намъ объ одномъ замѣчательномъ событии изъ жизни апостола за этотъ періодъ его испанской проповѣднической дѣятельности.—Ап. Павель пробылъ въ этой мѣстности уже довольно значительное время. Его имя стало известно во многихъ городахъ и селеніяхъ, равно какъ стало распространяться среди жителей и христіанство проповѣдуемое апостоломъ. Пріобрѣтенные имъ послѣдователи въ

значительномъ количествѣ всюду сопровождали его; а когда отлучались, то и на сторонѣ, вдали отъ апостола, сообщали другимъ своимъ землякамъ то, что успѣли услыхать и воспринять отъ него. Изъ числа познакомившихся съ христіанствомъ и знавшихъ объ ап. Павлѣ чрезъ подобныхъ проповѣдниковъ была одна знатная женщина, жена губернатора Проба. Этаъ Люції Сабинъ Пробъ былъ, по извѣстію нѣкоторыхъ хронографовъ, губернаторомъ аренатской провинціи, къ которой принадлежали и города Либизоза и Ляминій. Въ одно время ап. Павель пришелъ въ Либизозу; а такъ какъ Ляминій, въ которомъ имѣть мѣстопребываніе губернаторъ вмѣстѣ со своею семьею, находился недалеко отъ Либизозы, то объ этомъ апостольскомъ посѣщеніи услыхала и жена Проба. Много слышавшая объ апостолѣ и сильно заинтересованная проповѣдаемымъ имъ ученіемъ, она просила своего мужа пригласить проповѣдника въ свой городъ къ себѣ въ домъ. Пробъ исполнилъ просьбу жены, а апостолъ съ готовностью выполнилъ его желаніе и изъ Либизозы пришелъ въ Ляминій. И вотъ, когда, приготовившись къ встрѣчѣ чрезвычайного гостя, губернаторша ожидала внутри дома ап. Павла, долженствующаго войти вмѣстѣ съ другими, и когда въ домъ вошло нѣсколько человѣкъ, и она не знала, кто изъ нихъ собственно великій проповѣдникъ.—неожиданно для себя она видѣла вокругъ головы одного изъ вощедшихъ золотую надпись въ воздухѣ: «Павель—проповѣдникъ Христа». Поразительно было для губернаторши то чудесное видѣніе; хотя она и слышала о другихъ чудесахъ апостола, но не надѣялась сама удостоиться видѣть чудо; и ея обращеніе въ христіанство съ сего времени сдѣлалось несомнѣннымъ. Она съ довѣріемъ обратилась къ ап. Павлу, съ открытымъ сердцемъ стала внимать его словамъ, и для нея скоро открылись и стали доступны тайны христіанской религіи. Она увѣровала въ И. Христа, воплотившагося Сына Божія, увѣровала въ возможность чрезъ благодать Христову приблизиться къ Единому Богу и чрезъ крещеніе возродиться для жизни новой и святой. Ап. Павель ясно видѣлъ искренность и твердость вѣры новопросвѣщенней и потому немедля долго крестилъ ее, давъ ей при крещеніи имя Ксантины. Всльдѣ за Ксантипою, увлеченные ея примѣромъ, а отчасти убѣжденіями и проповѣдью апостола, приняли крещеніе ея мужъ Пробъ и сестра Поликсена. Пробъ, какъ губернаторъ, имѣя частыя сношения съ римскимъ префектомъ города Толета Филоѳеемъ, обратилъ къ христіанству и этого послѣдняго. Такъ въ число членовъ христіанского общества вступило нѣсколько знатныхъ лицъ, болѣе просвѣщенныхъ и болѣе влиятельныхъ среди жителей Испаніи.

Эти лица, сами принявши христіанство, сдѣлались помощниками ап. Павла въ его проповѣднической дѣятельности, и несомнѣнно ихъ труды и успѣя не пропадали напрасно. О По-

ликсенъ мы имѣемъ преданіе, что она къ проповѣднической дѣятельности привлекла Онисима. Это тотъ Онисимъ, рабъ Филимона, котораго ап. Павель обратилъ въ христіанство. Онъ впослѣдствіи былъ поставленъ помощникомъ Тимоѳея по управлѣнію Ефесской церковью. Когда онъ однажды прибылъ въ городъ Патары Фригійскія, то здѣсь случайно встрѣтился съ Поликсеной, которая и убѣдила его идти въ Испанію, чтобы продолжать тамъ проповѣдь дорогаго и ему ап. Павла. Онисимъ взялъ увѣщанія Поликсены, прибылъ вмѣстѣ съ нею въ Испанію, гдѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился надъ просвѣщеніемъ испанского народа. По другому преданію вмѣстѣ съ Онисимомъ и Поликсеною проповѣдью христіанства среди испанцевъ занималась и Ксантиша; они ходили по городамъ Карпантанія и особенно часто посѣщали родной имъ городъ Ламиній. Не раздѣляя трудовъ проповѣдничества съ этими лицами Пробъ. Онъ, какъ бывшій римскій чиновникъ, по своему обращенію въ христіанство, не рискуя понапрасну своею жизнью, не могъ оставаться долѣе на прежнемъ мѣстѣ своей гражданской дѣятельности, но, отказавшись отъ нея, совсѣмъ удалился изъ Испаніи. Изъ его жизнеописанія мы знаемъ, что послѣ крещенія онъ удалился въ Италию и здѣсь въ городѣ Равеннѣ сдѣлался со временемъ епископомъ.

Такимъ образомъ проповѣдь ап. Павла въ Бетурії и Карпантаніи нашла здѣсь довольно воспріимчивыя сердца. Христіанская церковь, благодаря ревности апостола и сочувствію и содѣйствію ему со стороны самихъ жителей, быстро росла и укрѣплялась. Когда къ христіанству присоединились Пробъ, Ксантиша и Поликсена, и когда они сдѣлались его дѣятельными помощниками, тогда ему ничего не оставалось, какъ удалиться отсюда въ другіе города и мѣстности. Поставивши по городамъ пресвитеровъ, а гдѣ нужно и можно и епископа, давши, такимъ образомъ, церкви этой мѣстности возможность самостоятельного развитія и преподавши своимъ спутникамъ послѣдня наставленія, апостолъ, простившись съ ними пошелъ еще далѣе на сѣверъ.

Новый путь ап. Павла лежалъ по направленію къ берегамъ рѣки Ибера. Здѣсь мѣстность становилась болѣе населенною, и апостолу на его пути чаще и чаще стали попадаться значительные города, вполнѣ знакомые съ римской цивилизацией и нерѣдко въ значительной степени населенные римлянами. Таковъ былъ городъ Кесаравгуста. Онъ былъ расположенъ на берегу Ибера и представлялъ собою римскую колонію, въ которой все было болѣе римскимъ, чѣмъ туземнымъ испанскимъ. Едва ли ап. Павель находилъ здѣсь подходящія условія для своей проповѣднической дѣятельности. Римскіе колонисты были всецѣло погружены въ житейскіе интересы, въ заботу—извлечь всѣ возможныя выгоды изъ новыхъ окружающихъ ихъ условій. Въ ихъ сердцахъ не оставалось места для воспріятія проповѣди

христіанства; они слишкомъ тяготѣли къ землѣ и не хотѣли и не могли подняться до пониманія истинъ религіи духа. Не могъ найти апостолъ удобной почвы для своей проповѣди и среди туземныхъ жителей. Они, по описанію Страбона, и въ его время отличались дикостью и жестокостью своихъ нравовъ. Они чрезвычайно противились усвоенію римской цивилизациі и отчаянно отстаивали свою самостоятельность отъ римскихъ завоевателей. Даже и послѣ того, какъ римляне уже прочно зодчили въ ихъ странѣ, они продолжали вести отчужденную отъ нихъ жизнь въ своихъ бѣдныхъ деревушкахъ, воздѣлывая мало плодородную почву при суровомъ климатѣ. Трудно было ап. Павлу одному безъ сотрудниковъ, въ короткое время сдѣлать многое своею проповѣдью среди подобныхъ слушателей. Здѣсь могъ достигнуть болѣе или менѣе осязательныхъ результатовъ только такой проповѣдникъ, который бы отдалъ религиознымъ интересамъ этихъ дикарь всего себя нераздѣльно во все время своей жизни. Но апостолъ не могъ сдѣлать этого; онъ не могъ остаться въ этой странѣ навсегда, равно какъ не могъ отрѣшиться мыслью и сердцемъ отъ того поля дѣятельности, которое было уже пройдено имъ. Его мысль часто возвращалась къ малоазійскимъ церквамъ, возвращалась къ греческимъ и испанскимъ. Теперь же, когда онъ прибылъ въ Кесаравусту, и увидалъ здѣсь многое, что онъ видѣлъ въ Римѣ, сму съ особенною ясностью вспомнился этотъ городъ и его христіанское общество. Вспомнилось ап. Павлу то полное печали и надежды разставаніе, которое происходило у него въ Остійской гавани; вспомнились слезы римскихъ женщинъ, просьбы христіанъ о его скоромъ возвращеніи, а также и его собственное обѣщаніе не быть въ Испаніи болѣе года и подтвержденіе его небеснымъ голосомъ. Но вотъ этотъ годъ подходитъ уже къ концу и время близилось къ веснѣ 67 года. Что нужно было предпринять ему?—Оставаться проповѣдывать по берегамъ Ибера, гдѣ онъ былъ тещеръ, было почти бесполезно. Или обратиться назадъ и проходить снова по прежнимъ областямъ Испаніи?—По онъ знать, что его присутствіе тамъ въ настоящее время вовсе не было необходимо. Самымъ лучшимъ исходомъ ему казалось отправиться въ Римъ. Чрезъ это путешествіе онъ исполнить бы свое обѣщаніе, а съ другой стороны оказалъ бы большую пользу и для христіанства вообще и для римской церкви въ особенности.

Отправляясь въ Испанію, онъ оставилъ римскую церковь далеко не въ надежномъ состояніи. Число ся членовъ было невелико; да и эти не отличались особенною духовною опытностью и высокимъ христіанскимъ совершенствомъ. Къ тому же среди нихъ, какъ зналъ ап. Павелъ, не было вполнѣ надежного руководителя. Таковымъ тамъ остался пресвитеръ Парциссъ; но онъ былъ болѣе совершеннымъ въ христіанской вѣрѣ и христіанскомъ познаніи только лишь сравнительно съ

другими римскими христіанами, совсѣмъ неуспѣвшими окрѣпнуть въ своихъ новыхъ христіанскихъ убѣжденіяхъ. Между тѣмъ на долю римского христіанского общества выпадало гораздо болѣе соблазновъ, гораздо болѣе поводовъ или совсѣмъ отпасть отъ христіанства подъ давленіемъ виѣшнихъ обстоятельствъ или впасть въ заблужденія, увлекшись различными философами и религіозными проповѣдниками. Такимъ образомъ на апостолѣ даже лежала нѣкотораго рода обязанность, немедля долго въ Испаніи, поспѣшить своимъ возвращенiemъ въ Римъ.— Ап. Павель такъ и поступилъ¹⁾.

Прот. Н. Орловъ.

1) Окончаніе будетъ.

Послѣдніе годы жизни св. ап. Павла *).

Обратное путешествіе изъ Испаніи въ Римъ.

Пробывши очень короткое время въ Кесаравгустѣ, ап. Павелъ по рѣкѣ Иберу спустился къ его устью и здѣсь разсчитывалъ найти корабль для своего обратного путешествія въ Римъ. Когда онъ прибылъ къ берегу средиземного моря и остановился въ одномъ приморскомъ селеніи Дортозѣ, морская навигація по случаю ранняго времени еще не начиндалась.

Нужно было ждать времени, когда начнется плаваніе, и явится возможность выбыть отсюда. А пока никогда не прекращавшій дѣятельной жизни великий проповѣдникъ началъ и здѣсь свое дѣло просвѣщенія тамошнихъ жителей свѣтомъ христіанской истины. Преданіе Дортозской церкви сохранило благодарную память объ этой дѣятельности ап. Павла и передало послѣдующимъ поколѣніямъ извѣстіе о понесенныхъ имъ трудахъ въ этомъ небольшомъ въ то время селеніи.

Христіанство вслѣдствіе недалекаго разстоянія отъ Рима было не безъизвѣстно жителямъ Дортозы, особенно-же послѣ того, что случилось въ Римѣ въ 64 году по поводу тамошняго пожара. Вѣсть объ избіеніи множества христіанъ не могла пройти мимо Дортозы и возбудила здѣсь въ комъ простое любопытство, а въ комъ и живой интересъ къ той неизвѣстной вѣрѣ, за содержаніе которой обвиняли христіанъ. Если даже христіанская религія и не прощевѣдалась въ Дортозѣ прямо, если ее не называли по имени, то все-таки она была извѣстна dortозянамъ какъ какая-то новая вѣра, совершенно отличная отъ другихъ извѣстныхъ имъ до сего вре-

*) Окончаніе.

мени. Такимъ образомъ прибывшій въ Дортозу ап. Павель уже въ настроеніи ея жителей нашелъ нѣкоторую подготовку для начала своей проповѣди. Среди жителей Дортозы нашлись и такие, которые уже ранѣе видѣли апостола или въ Испаніи или въ Римѣ, и много было такихъ, которые слышали о немъ отъ другихъ. Встрѣченный и тѣми и другими, какъ уже известное лицо, путешествующее съ извѣстною цѣлью, ап. Павель прямо приступилъ къ евангельской проповѣди. Онъ раскрывалъ сущность евангелія, сущность той религіи, послѣдователями которой объявляли себя замученные въ Римѣ христіане. И то чувство состраданья къ невиннымъ мученикамъ, которое заставляло римскихъ жителей въ концѣ концовъ отворачиваться отъ зрѣлица ихъ казнѣй, это чувство жителей Дортозы побуждало къ скорѣйшему принятію проповѣдуемаго апостоломъ ученія. Поэтому проповѣдь апостола въ Дартозѣ была весьма успѣшна и плодотворна; христіанская истина быстро воспринималась искренними сердцами и число послѣдователей проповѣдуемаго I. Христа возрастало со дня на день. Дортозское христіанскоѣ общество и по количеству своихъ членовъ и по свойству ихъ вѣры и христіанскаго познанія скоро достигло такого состоянія, что получило отъ апостола устройство отдѣльной самостоятельной церкви, имѣющей своего епископа и пресвитеровъ. Первымъ епископомъ дортозской церкви, поставленнымъ въ этотъ санъ самимъ апостоломъ былъ нѣкто Руфъ. Память о его апостольскомъ рукоположеніи въ епископской санѣ, равно какъ и его имя сохранило намъ преданіе дортозской церкви.

Это образованіе правильно устроенной дортозской церкви произошло сравнительно въ очень короткое время, и къ началу весеннаго плаванія по средиземному морю апостоль были совершенно свободенъ и имѣлъ возможность, не вредя ни сколько новоучрежденному христіанскому обществу, оставить Дортозу и отправиться въ Римъ. Въ торговыхъ корабляхъ, отправляющихся изъ Дортозы въ Римъ, въ это время недостатка быть не могло,—хотя, по свидѣтельству Страбона, устье Ибера, гдѣ была разположена Дортоза, и не представляло удобной гавани. Въ весеннеѢ половодіе, пользуясь розливомъ рѣки, жители ея верховьевъ сплавляли къ ея устью, въ Дортозу, свои товары съ надеждою переправить ихъ въ Римъ. Ап. Павель имѣлъ полную возможность воспользоваться этимъ торговыми движеніемъ и конечно воспользовался.

Онъ любовно простился съ дортозскою христіанскою общиной, оказавшейся столь воспріимчиво къ его проповѣди, преподалъ всѣмъ вѣрующимъ обильныя наставленія, увѣщаю-
ая ихъ твердо и неизмѣнно держаться преподаннаго имъ ученія, внушать повиноваться епископу и пресвитерамъ, исполнять ихъ увѣщанія и предписанія и принимать совѣты и вразумленія. Епископу Гуфу, который долженъ оставаться

замѣстителемъ апостола и главнымъ руководителемъ дортозскаго общества, ап. Павелъ далъ особенные наставленія и, благословивъ его въ глазахъ всего общества, внушать всѣмъ, чтобы они оказывали ему сугубую честь, вниманіе и послушаніе. Всльдъ за торжественнымъ прощеніемъ, бывшимъ послѣ братской трапезы—агапы, великий миссионеръ сѣлъ на корабль и навсегда оставилъ испанскій берегъ. Теперь онъ выполнилъ свое давнишнее желаніе побывать въ этой странѣ, исполнилъ завѣтъ Господа быть врачомъ испанцевъ, и возвращался въ Римъ съ успокоеною и удовлетвореною душою.

Третье пребываніе ап. Павла въ Римѣ.

Римское христіанское общество, оставленное ап. Павломъ ради проповѣданія евангелія жителямъ Испаніи, вскорѣ послѣ его отбытія подверглось крайней опасности. Преслѣдованіе со стороны римской власти, враждебное-ли настроеніе народа къ распространяющейся христіанской религіи или общая настроенность римскихъ жителей, совершенно противоположная настроенности истинного христіанина, а можетъ быть всѣ эти причины вмѣстѣ произвели то, что многіе изъ членовъ христіанского общества отпали отъ принятой ими вѣры. Многіе измѣнили, Христу и возвратились всپять, увлекшись суето міра. Римляне, слѣдя примѣру императора Нерона и его приближенныхъ, всѣмъ своимъ существомъ отдались постояннымъ празднествамъ, торжественнымъ оргіямъ, пышнымъ жертвоприношеніямъ, увлекательныхъ для нихъ цирковымъ зрѣлищамъ, состязаніямъ и играмъ съ жестокими казнями. Самъ историкъ Тацитъ дивился, что ему въ его лѣтоиси приходилось писать только о казняхъ и жестокостяхъ, и даже извиняется предъ своими читателями. „Рабское терпѣніе, столько крови, бесполезно пролитой дома, утомляютъ умъ, и печаль охватываетъ душу. Другой защиты отъ тѣхъ, которые ознакомятся съ этимъ, не искалъ бы я, какъ лишь бы не сопровождали ненавистью такъ безплодно и нерадиво погибшихъ. То былъ гнѣвъ высшихъ силъ на дѣла Рима“ (16, 16).—Если даже Тацитъ въ казняхъ гражданъ видѣло проявленіе гнѣва высшихъ силъ, то это грозное проявленіе еще болѣе устрашало простой народъ, который гнѣвъ боговъ видѣлъ также и въ непогодахъ и болѣзняхъ, посыпавшихъ тогда Италию и Римъ. Этотъ гнѣвъ, по мнѣнію народа, необходимо требовалъ умилостивленія, требовалъ болѣе строгаго и торжественнаго исполненія религіозныхъ обрядовъ и болѣе частыхъ и богатыхъ жертвоприношеній. Къ этимъ жертвоприношеніямъ привлекались всѣ жители Рима; и христіане, избѣгавши участія во всѣхъ общественныхъ увеселеніяхъ и особенно въ жертвоприношеніяхъ, естественно, навлекали на себя мрачную подозрительность язычниковъ, и постоянно могли

ожидать открытаго возстанія противъ ихъ религіи и противъ ихъ самихъ,—ждать новаго гоненія.

Все это, конечно, сильно задерживало распространеніе христианства и даже прямо дѣйствовало на него въ смыслѣ его сокращенія,—обнаруживалось въ отпаденіи членовъ его въ прежнюю языческую вѣру изъ-за страха смерти и всевозможныхъ непріятныхъ столкновеній съ языгниками,—родственниками и знакомыми. Такъ что книга, такъ называемые «Періоды Петра и Павла», можетъ быть лишь не много преувеличивають, когда разсказываемъ, что вскорѣ, послѣ отбытия ап. Павла въ Испанію, въ Римъ почти всѣ христіане отпали отъ своей христовой вѣры; и остались вѣрными ей лишь пресвитеръ Нарцисъ, двѣ женицины и два больныхъ. Впрочемъ «Періоды» этотъ печальный фактъ изъ жизни римскихъ христіанъ думаютъ объяснить изъ другихъ случайныхъ причинъ. Но ихъ разсказу, христіане, обращенные ап. Павломъ, отпадши отъ христианства, пошли вслѣдъ за Симономъ Магомъ, который прибылъ въ Римъ около этого времени. Такимъ образомъ Симонъ былъ виновникомъ гибели трудовъ ап. Павла, и потому для возрожденія римского христианства и привлечения новыхъ членовъ, по мнѣнію книги «Періоды», нужно было не что иное, какъ прекращеніе дѣятельности этого влиятельного чрезъ свои чары мага. Устранить Симона съ пути развития христианскаго дѣла является въ Римъ ап. Петръ. Этотъ первоверховный апостоль, повѣствуютъ «Періоды», вступаетъ въ борьбу съ кудесникомъ; онъ творить множество чудесъ, подкрѣпляя ими свою проповѣдь христианства, и пріобрѣтаетъ Христу все новыхъ и новыхъ послѣдователей. Наконецъ его борьба съ магомъ кончается полною побѣдою надъ нимъ: магъ, посрамленный нѣсколько разъ раньше, по молитвѣ ап. Петра, во время своего воздушного полета низвергается на землю и разбивается на части. Но и самъ ап. Петръ былъ осужденъ императоромъ Нерономъ на распятіе и крестными мученіями долженъ былъ закончить свою апостольскую дѣятельность.

Это событие, если оно исторически достовѣрно, должно было совершиться незадолго до возвращенія ап. Павла изъ Испаніи въ Римъ въ началѣ 67 года. Славянскіе «Акты» ап. Павла, какъ извѣстно, возвращеніе ап. Павла приводятъ въ связь со смертю ап. Петра; и говорятъ, что ап. Павелъ послѣшилъ прибыть въ Римъ, потому что услыхалъ о мученической кончинѣ первоверховнаго апостола. Выходитъ такимъ образомъ, что лишь только ап. Павелъ услыхалъ, что римское христианское общество снова осталось безъ надежнаго руководителя, какъ сейчасъ же послѣшилъ выбыть изъ Испаніи.

Медленно подвигался ап. Павелъ на тяжело нагруженномъ суднѣ; обычные восточные вѣтры затрудняли еще болѣе нелегкій путь, и только по прошествіи не малыхъ дней онъ на-

конецъ прибылъ въ Остійскую гавань.—Это уже во второй разъ высаживалъ апостоль въ осипійской гавани. Теперь онъ чувствовалъ себя здѣсь какъ въ родномъ городѣ? Все было ему хорошо известно, известно была и та дорога, которая должна привести его въ величественный Римъ. Несомнѣнно еще на пути, на остійской дорогѣ, онъ былъ встрѣченъ знакомыми ему лицами. Это были или обращенные ранѣе имъ самимъ христіане или обращенные безъ него, но знавшіе его за его прежнее пребываніе въ Римѣ, какъ его постоянные жители. Отъ нихъ онъ узналъ въ короткихъ чертахъ о происшедшемъ въ Римѣ во время его отсутствія, и освѣдомился, гдѣ и у кого ему всего лучше остановиться. А такъ какъ Лука и Титъ были уже въ Римѣ и дожидались его прибытія, то ап. Павелъ пожелалъ остановиться въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ нашли себѣ пріютъ и его два ученика.—Лука прибылъ въ Римъ, возвратившись съ востока, и, по прибытію апостола изъ Испаніи, намѣревался занять при немъ то же самое мѣсто, которое онъ занималъ и ранѣе, т. е. какъ участникъ въ апостольской проповѣднической дѣятельности и какъ врачъ, нужный апостолу въ его материальныхъ нуждахъ и постоянныхъ болѣзняхъ. Титъ же прибылъ въ Римъ, исполняя просьбу апостола, которая была написана ему въ посланіи, полученному имъ еще на о. Критѣ. Тогда онъ не успѣлъ прибыть въ Никополь и застать тамъ апостола; этотъ послѣдній отиравился въ Римъ, недождавшись своего ученика. И вотъ теперь, когда на о. Критѣ, все было устроено и направлено на благой путь совершенствованія, Титъ поспѣшилъ въ Римъ, разсчитывая если и не встрѣтить здѣсь самого апостола, то во всякомъ случаѣ узнать достовѣрно о его мѣсто пребываніи. Надежда Тита не обманула его. Отъ римскихъ христіанъ онъ узналъ, что ап. Павелъ находится въ Испаніи, но скоро долженъ быть прибыть оттуда, такъ какъ обѣщался пробыть тамъ не болѣе года. Титъ остался въ Римѣ дожидаться этого возвращенія апостола, а пока занялся просвѣтительной дѣятельностью среди римского общества. Сопедшившись съ Лукою они сообща трудились на нивѣ Божіей, пока не прибылъ сюда ихъ учитель и наставникъ.

Благодаря этой предварительной дѣятельности своихъ учениковъ, ап. Павелъ напечь состояніе христіанского общества въ Римѣ не особенно печальнымъ. А если принять во вниманіе что здѣсь недавно проповѣдывалъ и первоверховный ап. Петръ, то успѣхи христіанской проповѣди въ Римѣ и во всее должны быть отрадными. Ап. Павлу, сообразно его авторитету и ревности, предстояло лишь еще шире развить христіанскую просвѣтительную дѣятельность. Онъ такъ и поступилъ. Тотчасъ-же по своемъ прибытіи онъ началъ свою проповѣдь евангелия. Его первыя бесѣды были среди тѣхъ, которые уже приняли христіанскую вѣру и нуждались развѣ въ

болѣе глубокомъ усвоеніи христіанскихъ истинъ и укрѣпленіи ихъ въ рѣшимости устроить свою жизнь по заповѣдямъ Спасителя, не уклоняясь отъ нихъ ради правилъ и требованій языческаго мира и сго страстей и удовольствій.

Ап. Павель старался преподать имъ не только начатки христіанского ученія и сообщить таинства христіанской религіи, но заботился и о болѣе глубокомъ проникновеніи ихъ духа въ истины христіанства и объ обогащеніи ихъ богоданнными дарами для жизни болѣе святой и совершенной, и училъ ихъ любви, которая долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не раздражается, не мыслитъ зла... Словомъ, онъувѣщевалъ и училъ ихъ постепенно достигать того идеала совершенства, который долженъ быть цѣллю всякаго послѣдователя Христа.

Укрѣпивши въ достаточной степени тѣхъ, которые уже ранѣе были христіанами, ап. Павель обращаетъ свое вниманіе и на язычниковъ. Онъ и къ нимъ простираетъ свое слово благовѣстія. Его авторитетъ среди членовъ христіанской общины, его извѣстность среди язычниковъ, наконецъ сила его слова и почившей на немъ благодати Св. Духа производили то, что его прошовѣдь не была гласомъ воющаго въ пустынѣ. Приходившіе случайно на его бесѣды съ христіанами или нарочито приглашенные сюда родственниками и знакомыми, жители развратившагося Рима невольно поддавались обаятельному влиянію апостольской проповѣди. Они, полагаясь во всемъ на прошовѣдника, каялись предъ нимъ въ своихъ прежнихъ языческихъ заблужденіяхъ, открытымъ сердцемъ и безхитростнымъ умомъ старались усвоить и уразумѣть новыя для нихъ христіанскія истины и съ нелицемѣрною вѣрою воспринимать таинства христіанской религіи.

Когда же имя апостола и проповѣдуемая имъ христіанская религія стали извѣстны не только среди малаго круга незначительныхъ римскихъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, но и среди представителей средняго и даже высшаго класса общества, тогда апостола стали приглашать на бесѣды въ частные дома. Здѣсь хозяинъ дома приглашалъ своихъ знакомыхъ и родственниковъ для слушанія апостольской проповѣди. И хотя теченіе тогдашнихъ историческихъ событий Рима все еще шло въ томъ же неблагопріятномъ направлениі, однако интересъ, возбужденный христіанскаго проповѣдью ап. Павла былъ очень значителенъ; и такихъ домохозяевъ и собираемыхъ ими слушателей находилось немало въ многолюдномъ Римѣ. Конечно различны были побужденія, которыя заставляли собираться для слушанія проповѣди ап. Павла; и можетъ быть многіе приходили изъ простого любопытства, а вовсе не изъ желанія удовлетворить своей духовной жаждѣ. Но достаточно было и немногихъ, имѣвшихъ искреннее намѣреніе отстать отъ языческихъ заблужденій. Многіе и изъ-

присутствующихъ по любопытству совершенно искренно обращались къ христіанству и дѣлались его вѣрными исповѣдниками.

И какъ прежде во время его первыхъ римскихъ узъ и во время второго свободного пребыванія въ Римѣ, ап. Павелъ нашелъ послѣдователей Христу въ кесаревомъ домѣ, и среди римскихъ всадниковъ и патриціевъ, такъ точно и теперь нашлись и въ высшемъ римскомъ обществѣ готовые принять христіанство.—Св. I. Златоустъ говорить намъ обѣ обращеніи ап. Павломъ одной женины, находившейся въ близкой связи съ императоромъ Нерономъ.

Враждебность римскихъ язычниковъ къ христіанству.

Собрания вѣрующихъ для слушанія бесѣдъ ап. Павла, а также для молитвъ и совершенія евхаристической жертвы становились все многочисленнѣе и открытие. Но понятно также, что эти собрания, хотя и происходили большую частію по ночамъ, не могли оставаться не замѣченными для римскихъ жителей и для римскихъ властей. Особенно же обращала на себя общее вниманіе ревностная дѣятельность ап. Павла. Онъ всюду являлся во главѣ Христіанъ, первенствовалъ на ихъ собранияхъ, руководилъ проповѣдническою дѣятельностью другихъ миссіонеровъ; его имя чапце другихъ произносились какъ имя человѣка, обратившаго многихъ къ новой религіи. И та ненависть противъ христіанъ почетателей какого-то невидимаго Бога, которая скрыто всегда наполняла сердца невѣжественной римской черни, теперь грозила снова обнаружиться во всей своей силѣ. Если уже ко времени римского пожара христіанское общество успѣло обратить на себя вниманіе, какъ на совсѣмъ отличное и самостоятельное; если и тогда было достаточно одного указанія на христіанъ какъ на виновниковъ пожара, чтобы возбудить противъ нихъ жестокое преслѣдованіе, то такое же точно настроеніе невѣжественного народа по отношенію къ христіанамъ должно было быть и теперь. Разница была лишь въ томъ, что по мѣрѣ увеличенія числа христіанъ, увеличивалось и число нерасположенныхъ къ нимъ; а также и въ томъ, что все болѣе и болѣе распространялось о нихъ дурныхъ слуховъ. Теперь имъ приписывались самыя грубыя и нелѣпья суевѣрія; христіанская религія, во мнѣніи толпы, обратилась въ какую-то глупую оргію, съ человѣческими жертвами, съ всеобщимъ развратомъ, съ поклоненіемъ изображенію распятаго человѣка на крестѣ съ ослиною головою. Невѣжественная толпа, не знавшая истиннаго христіанства и вѣрившая всѣмъ этимъ безсмыслинамъ слухамъ, готова была обрушиться на него новымъ жестокимъ гоненіемъ на подобіе гоненія 64 года. Въ Римѣ могло случиться то же самое, что случалось въ послѣдствіи въ малоазійскихъ городахъ. Тамъ на-

родных толпы, возбужденные жрецами, схватывали христіанъ, приводили ихъ къ городскимъ римскимъ властямъ, обвиняли въ привержимости къ различнымъ суевѣріямъ противнымъ народной религіи, и требовали осуждениа на смерть и за содержаніе этихъ суевѣрій и за распространеніе ихъ среди другихъ жителей города. Въ Римѣ, конечно, такого своеволія народной толпы нельзя было ожидать; значеніе властей здѣсь было болѣе сильно; потому же здѣсь было всегда много войскъ, которые и могли восстановить должный порядокъ. Притомъ и сама римская чернь была менѣе привержена къ своей религіи, менѣе фанатична и менѣе расположена по своему почину поднимать преслѣдованіе за содержаніе религіозныхъ убѣждений и обрядовъ. Этого и совсѣмъ не могло случиться пока Неронъ былъ въ Римѣ, и пока онъ не хотѣлъ новаго гоненія противъ христіанъ. Его личное вниманіе, по выражению Тацита, было всецѣло поглощено тою борьбою съ добродѣтелью, которую онъ велъ, умерщвляя и казня всѣхъ тѣхъ, которые казались ему выдающимися въ томъ или другомъ хорошемъ отношеніи. Кромѣ того 67 и 68 годы были временемъ крайняго развитія артистического безумствованія императора Нерона. Вообразившія себя пѣвцомъ и артистомъ, онъ вездѣ устраивалъ театральныя зрѣлища и совершенно искренно и нетерпѣливо ждалъ себѣ похвалъ и лавровыхъ вѣнковъ. Среди этихъ занятій и постоянныхъ волненій ему рѣшительно не когда было обратitiя вниманіе на христіанскую религію, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще не обращалъ вниманія на всѣ другія религіи и религіозныя общества. Вниманіе же римской толпы и римскихъ властей также въ свою очередь было всецѣло поглощено тѣми зрѣлищами и торжественными празднествами, которыми потѣшала ихъ императоръ, и являться на которыхъ должны были всѣ безъ исключенія.

При такомъ положеніи вещей, какъ подъ нѣкоторымъ покровомъ, христіанская церковь города Рима могла быстро возрасти и укрѣплиться. Ап. Павель, чѣмъ яснѣе сознавалъ выгоду такого положенія вещей, тѣмъ ревностнѣе и неустаннѣе продолжалъ проповѣдывать евангельское благовѣстіе. Онъ можетъ быть начинать замѣчать, что его личность очень замѣтно выдѣляется надъ всѣми другими послѣдователями Іисуса Христа; можетъ быть даже ему приходилось встречать недружелюбные взгляды на него со стороны языческой толпы и особенно жрецовъ, которые, можетъ быть, прямо грозили ему доносомъ. Но ничто изъ этого не могло смутить проповѣдника и остановить его дѣятельность. Онъ по прежнему продолжалъ собирать собранія для бесѣдъ и совершения евхаристіи, продолжалъ также являться по приглашенію и въ частные дома. Своихъ же послѣдователей онъ неустанно увѣщевалъ твердо держаться христіанскихъ правилъ жизни и быть во всемъ подражателями Іисусу Христу и нести крестъ, кому какой назначенъ премудрымъ промысломъ.

Тогдашнія условія римской жизни.

Совершенно измѣнилось положеніе всѣй съ половины 67 года. Приблизительно около этого времени императоръ Неронъ предпринялъ путешествіе по Греціи. Тѣ льстивыя восхищенія и тѣ лавровые вѣнки, которые онъ получалъ до сего времени въ Римѣ и Италии какъ артистъ, музыкантъ и ізвѣщѣ, казались ему недостаточными. Ему хотѣлось, чтобы и сама Греція,—эта родина артистовъ и художниковъ и страна преимущественнаго разцвѣта всѣхъ искусствъ, признала за нимъ тоже самое достоинство, которое такъ льстиво выставлялось во всей Италии. И вотъ онъ вмѣстѣ съ Тигеллиномъ, отправился въ города Греціи. Онъ побывалъ почти во всѣхъ городахъ, присутствовалъ на всѣхъ зрѣлицахъ и вступалъ въ состязанія почти на всѣхъ играхъ.

Въ то время какъ Неронъ проводилъ время въ Греціи, его отпущенники Гелій и Поликлетъ самымъ жестокимъ и свое-вольнымъ образомъ распоряжались въ Римѣ. Ходъ римской жизни долженъ былъ значительно измѣниться. Прежде всего прекратилось безсмысленное праздное время провожденіе, причиною котораго былъ Неронъ,—его казни, театральный представлениія и цирковыя зрѣлища. Сократились зрѣлища и меньшіе стало того, что предпринималось съ нарочинною цѣллю занять вниманіе толпы и привлечь ея симпатіи на сторону Нерона и его любимцевъ. Народъ, если онъ хотѣлъ зрѣлищъ, долженъ былъ теперь самъ искать ихъ, самъ заботиться о нихъ. А такъ какъ это было не легко, то, понятно, что онъ чувствовалъ нѣкотораго рода неудовлетворенность, своего рода скучу. Римскія власти также теперь стали свободнѣе и имѣли время удѣлять вниманіе на текунія дѣла городской жизни. Этимъ-то положеніемъ обстоятельствъ и настроениемъ общества и властей и воспользовались враги христіанства. Жрецы, а по ихъ наученію и чернь, незнавшая куда дѣвать свое свободное время, стали проявлять всевозможныя враждебныя манифестаціи противъ враговъ своей религіи. Нерѣшительныя и безвредныя вначалѣ, онъ скоро обратились въ кровавыя драмы. Началось съ частныхъ доносовъ и съ отдѣльныхъ смертныхъ казней. Со стороны жрецовъ прежде всего было донесено на выдающихся проповѣдниковъ христіанства и между прочимъ на ап. Павла. Онъ вмѣстѣ съ другими долженъ былъ предстать на судъ предъ римскою властю. Если бы онъ былъ простой римскій поданный, то погибъ бы какъ погибали многие другие или распинаемые на крестахъ или отдаваемые въ циркахъ на растерзаніе звѣрьми. Такъ погибъ годъ тому назадъ ап. Петръ. Онъ былъ простой іудейскій рыбакъ съ Генисаретскаго озера, изъ ненавистной для римлянъ Іудеи, а потому и быть казненъ позорною казнью, на которую обыкновенно осуждались рабы,—онъ былъ распятъ на крестѣ впізъ головою, на Вати-

канскомъ холмѣ.—Ап. Павлу, по доносу на него жрецовъ, грозила смертная казнь чрезъ разтерзаніе звѣрьми въ циркѣ. Думать такъ дасть намъ полное право то мѣсто изъ второго посланія къ Тимоѳею, гдѣ апостоль изгѣщаетъ своего ученика, что онъ избавился изъ львиныхъ челюстей (2 Тим. 4,17).

Судъ надъ ап. Павломъ въ Римѣ.

Схваченный и приведенный вмѣстѣ съ другими христіанами къ римскимъ властямъ, ап. Павель по первоначальному и настойчивому требованію толпы предназначается во время предстоящихъ зрелицъ быть растерзаннымъ звѣрьми (можетъ быть прямо—львомъ). Народъ ждалъ зрелицъ и вотъ нашлось средство удовлетворить его, отдавая христіанъ на растерзаніе звѣрями. Но римскія власти, согласныя съ толпою взглянули на христіанъ и на способъ истребленія ихъ, однако какъ истинные римляне хотѣли оформить дѣло; и желали, чтобы и самое уничтоженіе христіанского общества было произведено на основаніи дѣйствующаго закона. А такъ какъ у нихъ противъ своеволія толпы были въ распоряженіи значительныя войска, то они и настояли на своемъ желаніи. Для христіанъ представленныхъ римскими властями было назначено судебное разбирательство. Конечно это разбирательство было бы очень неизрѣдолжительно, и народное желаніе видѣть христіанъ растерзанными въ циркѣ было бы скоро удовлетворено. Но среди обвиняемыхъ христіанъ былъ ап. Павель, имѣвшій право римского гражданства. Когда онъ заявилъ, что въ его лицѣ римскія власти имѣютъ дѣло не съ простымъ подданнымъ, а съ римскимъ гражданиномъ, тогда ходъ судебнаго разбирательства долженъ былъ значительно измѣниться. Вмѣсто прежней поспѣшности и небрежности въ соблюденіи формальностей сторонъ судопроизводства теперь судебній процессъ долженъ быть обставленъ и произведенъ законнымъ порядкомъ.

Формальному началу судебнаго процесса надъ ап. Павломъ предшествовало насилие, и соблюденіе этихъ формальностей могло начаться только послѣ его заявленія о его римскомъ гражданствѣ. Преторъ, къ которому поступило дѣло апостола, согласно судебнѣмъ правиламъ, потребовалъ, чтобы изъ многихъ обвинителей выступилъ лишь только кто нибудь одинъ. Этотъ представитель обвинителей, цѣлой толпы народа, какъ религіозный фанатикъ обвинялъ ап. Павла въ томъ, что онъ, будто, не только самъ вѣрить безсмысленнымъ суевѣріямъ, но старается привлечь къ этой вѣрѣ и другихъ римскихъ жителей. Но такъ какъ этого обвиненія было недостаточно для присужденія смертной казни въ свободомысленномъ Римѣ, то обвинитель ап. Павла выставилъ противъ него обвиненіе въ оскорблѣніи имъ римскихъ божествъ, государства и самого

императора. Это было одно изъ самыхъ страшныхъ обвиненій, будучи достаточно доказано, оно неминуемо влекло за собою смертную казнь чрезъ роспятіе на крестѣ. Но пока это обвиненіе не было доказано, ап. Павель, какъ важный преступникъ былъ подвергнутъ тюремному заключенію и отведенъ въ оковахъ въ одно изъ тюремныхъ помѣщеній, находившихся при преторіанскомъ лагерѣ. Здѣсь онъ долженъ былъ ожидать назначенаго преторомъ дня судебнаго разбирательства.

Сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ безотрадное впечатлѣніе произвело на римскихъ христіанъ тюремное заключеніе ап. Павла. Изъ ихъ памяти еще не изгладились ужасы гоненія 64 года, памятна была имъ и печальная мученическая кончина ап. Петра, испустившаго свой духъ, вися на крестѣ внизъ головою; нѣкоторое время подобные этимъ случаи выраженія вражды язычества къ христіанской религии не повторялись. Христіане было успокоились и безъ всякихъ особыхъ предосторожностей и опасеній выполняли требованія своей религіи и не скрывали ея отъ глазъ язычниковъ. Они стали думать, что пріобрѣли теперь право быть открытыми исповѣдниками и послѣдователями имени И. Христа. Но случай съ ап. Павломъ и другими, вмѣстѣ съ нимъ взятыми, христіанами, навелъ на нихъ страхъ и наполнилъ ихъ сердца тяжелымъ предчувствіемъ.

Мало того, что они не ожидали, чтобы были освобождены схваченные вмѣстѣ съ ап. Павломъ и избѣжали смертной казни, они и для себя ждали того же самаго. Они ждали новыхъ доносовъ, новыхъ тюремныхъ заключеній для другихъ членовъ своего общества и часто видѣли и слышали подтвержденіе своихъ тревожныхъ ожиданій. Толпа, разъ осмѣлившаяся схватить христіанъ, не остановилась на одномъ случаѣ, но продолжала повторять это и еще нѣсколько разъ. Кромѣ того съ ея стороны стали смѣлѣ выскazyваться насмѣшки и издѣвательства надъ христіанами, чапце прерывались христіанскія молитvenныя собранія; и собиравшіеся для преломленія хлѣба въ таинствѣ евхаристіи всегда съ опасеніемъ взглядывали на двери при всякомъ незначительномъ шумѣ на улицѣ города. Такое тревожное настроеніе не могло не отразиться самымъ удручающимъ образомъ на состояніи духа христіанского общества. Нашлось среди христіанъ не мало такихъ, которые изъ-за страха прекратили на время обиженіе съ другими христіанскими братіями; нѣкоторые пошли далѣе и стали вмѣстѣ съ язычниками служить своимъ прежнимъ богамъ; а тѣ, которые были болѣе твердыми въ своихъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, прекратили свою проповѣдническую дѣятельность, направленную на пріобрѣтеніе новыхъ послѣдователей И. Христу. Все это конечно не осталось неизвѣстнымъ ап. Павлу, и его душу наполнило горькое чувство сожалѣнія о слабости человѣческой воли въ послѣдованіи добру и истинѣ. Какъ видно изъ словъ

его посланія 2 Тим. 4, 16: «да не вмѣнится имъ»,—онъ прощалъ имъ ихъ слабость, ихъ невѣрность завѣтомъ Христа Спасителя, но прощалъ лишь потому, что привыкъ всегда снисходить слабости человѣческой природы, привыкъ видѣть въ жизни много дурного и нежелательнаго. Онъ отнесся съ всепрощающею любовью даже къ поступку своего ученика и сотрудника Димаса, возлюбившаго, по его словамъ, нынѣшній вѣкъ и отправившагося въ Фессалоннику, оставивъ въ Римѣ своего учителя, заключеннымъ въ темничные узы, которыя грозили кончиться смертною казнью (2 Тим. 4, 10).

Тяжело было ап. Павлу узнавать о подобныхъ поступкахъ своихъ болѣе близкихъ послѣдователей, но онъ не думалъ высказывать какое-либо раздраженіе по этому поводу. Онъ заботился о томъ, чтобы, оставаясь наружно спокойнымъ, поддержать бодрость духа и въ другихъ, утѣшить ихъ обѣщаніемъ божественной помощи и ободрить надеждою на все-благой и премудрый промыслъ Божій. Онъ былъ радъ тѣмъ людямъ, которые не стыдясь и не страшась его узъ, приходили къ нему въ его темничное заключеніе. Они сообщали ему о состояніи христіанского общества, а онъ, чрезъ нихъ старался воздѣйствовать и воздѣйствовалъ на это послѣднее, поругая передавать ему свои наставительныя и утѣшительныя бесѣды. Особенно же утѣшительно ему было прибытие въ Римъ и къ нему въ темницу Онисифора. Этотъ Онисифоръ, узнавши въ своей далекой Иконіи о пребываніи ап. Павла въ Римѣ, прибылъ сюда, чтобы насладиться его лицезрѣніемъ, получить назиданіе отъ его бесѣдъ и оказать ему материальную поддержку въ его теперешнихъ обстоятельствахъ. Прибывши въ Римъ и узнавши, что апостолъ въ узахъ, онъ употребилъ всѣ усилия (2 Тим. 1, 17), чтобы найти апостола среди другихъ узниковъ, чтобы пройти къ нему въ его заключеніе и передать ему, что принесъ съ собою, и въ чемъ особенно нуждался узникъ. «Да дастъ ему, писалъ обѣ этомъ самъ ап. Павель, да дастъ ему Господь обрѣсти милость у Бога въ оный день (2 Тим. 1, 18). Но недолго прожилъ Онисифоръ въ Римѣ; его жизненные обстоятельства заставили его снова оставить столицу и возвратиться на родину. По удаленіи Онисифора около апостола снова водворилась тьма и уныніе.

Вирочемъ это томительное неизвѣстное состояніе ап. Павла, носѣтъ выѣзда Онисифора, продолжалось недолго. Паступилъ день, назначенный преторомъ для разбора его дѣла. Въ этотъ день рано утромъ апостола вывели изъ тюремнаго заключенія и подъ конвоемъ стражи привели на Марсово поле, гдѣ еще со временеми Юлія Цезаря была приспособлена особая судебная площадь. Здѣсь и должно было произойти судьбище, какъ обыкновенно, публично и устно. Предъ занявшими свои мѣста судьями выступилъ обвинитель ап. Павла. Онъ держалъ предъ ними рѣчь, въ которой раскрывалъ свои обвинительные пункты.

Апостоль молча слушалъ возводимыя на него обвиненіл, какъ онъ нѣкогда слушалъ Тертулла, обвинявшаго его предъ іудейскимъ проконсуломъ Феликсомъ въ Кесаріи (Дѣян. 24, 1—8). Въ своемъ умѣ апостоль готовилъ отвѣты на всѣ пункты обвинительной рѣчи, при этомъ памятуя и обѣ ѡбѣщаніи Спасителя: не заботьтесь о томъ, что вамъ сказать; Духъ Святой научилъ васъ въ тотъ часъ, что вамъ нужно говорить.

Наступила очередь говорить и ап. Павлу. Въ своей рѣчи ему нужно было не только раскрыть кто онъ — обвиняемый, но и то,—что для него было гораздо важнѣе,—какова та вина, за которую его привлекли на судъ къ этимъ почтеннымъ римскимъ судьямъ.—«Онъ—іудей, сынъ того племени, которое теперь (67—68 г.г.) такъ отчаянно взялось за оружіе, чтобы свергнуть съ себя римское иго. Но лично онъ никакъ не стоитъ за дѣло своихъ единоплеменниковъ. Какъ римскій гражданинъ онъ уважаетъ римлянъ и римское правительство и всегда готовъ исполнять римскіе законы. Неправда, будто онъ оскорбляетъ честь римскихъ боговъ; неправда и то, что будто онъ врагъ римского государства и его устройства. Если онъ и собиралъ христіанскія собранія и часто предсѣдательствовалъ на нихъ, то эти собранія не имѣли ничего противозаконного и преступнаго. Ихъ цѣль—вознести молитву Господу, совершивъ вечерю любви въ воспоминаніе такой же вечери, которую совершилъ нѣкогда чтимый ими И. Христосъ, Сынъ Божій, сошедшій съ небесъ и воплотившійся для спасенія человѣческаго рода, и умершій на крестѣ, пригвожденный къ нему по приказанію Пилата въ удовлетвореніе безпричинной злобы іудейскихъ первосвященниковъ. Вотъ, послѣдуя учению и заповѣдямъ сего распятаго Сына Божія, мы, христіане, и живемъ среди васъ, почитателей Юпитера и Юноны, и желаемъ одного и обѣ одномъ молимся, чтобы проводить свою жизнь въ исполненіи заповѣдей Господнихъ въ мирѣ и спокойствіи совѣсти. Если же настѣ и въ частности меня обвиняютъ въ оскорблѣніи императорскаго величества, то это простое недоразумѣніе. Говорятъ, что мы не хотимъ признавать императора, и въ доказательство этого указываютъ на то, что мы не присутствуемъ ни при жертвоприношеніяхъ въ честь императора, ни при жертвоприношеніяхъ предъ изображеніями умершихъ римскихъ правителей. Но, достопочтенные суды, въ то время какъ вы и другіе идете въ ваши храмы и тамъ предъ вашими богами молитесь о своемъ императорѣ, мы, христіане, спешимъ на свои молитвенные собранія, и здѣсь съ полноюискренностью просимъ у нашего Господа Бога всякаго блага тому, кто поставленъ Имъ надъ нами, дабы управлять нашими земными дѣлами. Что же касается того, что мы дѣйствительно не совершаемъ куренія предъ изображеніями нашихъ умершихъ императоровъ и не приносимъ жертвъ, то это дѣлается нами не по мяtekному чувству, а единствено изъ послушанія

законамъ нашей христіанской вѣры, которая навелѣваетъ поклоняться въ духѣ и истинѣ только одному Господу, творцу неба и земли».—Сказавъ это, апостолъ закончилъ свою рѣчь обращеніемъ къ справедливости и беспристрасію судей.

Послѣ этого было приступлено къ разсмотрѣнію доказательствъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто имѣли свидѣтельскія показанія. Когда свидѣтельскія показанія обвиняющей стороны были выслушаны, тогда преторъ и суды снова обратились къ ап. Павлу, предоставивъ и ему выставить свидѣтелей въ защиту своихъ показаній. Но ап. Павелъ свидѣтелей не имѣлъ. Хотя и право было его дѣло, хотя и многіе знали, что онъ не заслуживаетъ обвиненія и наказанія однако никто не выступилъ предъ судьями подтвердить то, о чёмъ долго и воодушевленно говорилъ великий проповѣдникъ. Послѣ онъ самъ съ горечью писалъ объ этомъ св. Тимоѳею: «при первомъ моемъ отвѣтѣ никого не было со мною, но всѣ меня оставили (2 Тим. 4, 16).—Среди христіанъ Рима изъ многихъ послѣдователей ап. Павла не нашлось ни одного, который бы заявилъ на судебнную площадь и публично бы заэвидѣтельствовалъ достовѣрность показаній апостола.—Что это значитъ,—гдѣ причина такой оставленности апостола? Ужели въ одномъ томъ, что страхъ предъ римскимъ судомъ и опасеніе самимъ попасть въ то же самое положеніе, въ которомъ теперь томился ап. Павелъ, удержали римскихъ христіанъ и даже евангелиста и дѣбеписателя Луку выступить на защиту святого дѣла?—Трудно вѣрится такому малодушію первыхъ христіанъ, но это было отчасти въ дѣйствительности, хотя, конечно, главное здѣсь было общее смиреніе христіанъ, ихъ готовность на страданія и ихъ сознаніе безполезности устной защиты предъ языческимъ фанатизмомъ. И самъ апостолъ не находить достаточнаго извиняющаго обстоятельства ихъ, равнодушію къ его судьбѣ и, покрывая ихъ своею всепрощающею любовію, желаетъ, чтобы имъ не было вмѣнено это ихъ малодушіе въ вину и осужденіе ни предъ судомъ человѣческимъ ни предъ судомъ Божіимъ: «да не вмѣнится имъ»,—пишетъ онъ своему довѣренному другу, св. Тимоѳею (2 Тим. 4, 16).

Оставленность апостола показалась странною и непонятною даже самимъ римскимъ судьямъ; и это тѣмъ болѣе, что, по ихъ мнѣнію, дѣло его вовсе не такъ безнадежно, чтобы было опасно выступить его защитникомъ. Въ ихъ памяти было еще свѣжо впечатлѣніе отъ богоизбогновенной рѣчи апостола, ихъ сердца еще не остыли отъ того жара умиленія, которое было возбуждено въ нихъ его трогательно-величественною проповѣдью о Христѣ, Спасителе всѣхъ людей. И вотъ, подъ влияніемъ этого впечатлѣнія преторъ и суды рѣшили, что постановлять окончательный приговоръ по дѣлу апостола преждевременно, и объявили перерывъ судебнаго процесса, назначивъ день для второго разбирательства.

Перерывъ судопроизводства надъ ап. Павломъ.

Остановившись на такомъ рѣшеніи суды думали, что они руководятся лишь простымъ безпристрастіемъ и требованіемъ справедливости. Но иначе посмотрѣть на это самъ ап. Павелъ. Онъ писалъ св. Тимоѳею: «Господь предсталъ мнѣ и укрѣшилъ меня, дабы чрезъ меня утвердилось благовѣстіе и услышали язычники; и я избавился изъ львиныхъ челюстей» (2 Тим. 4, 17). — Первый актъ судебнаго процесса кончился такъ благополучно для ап. Павла не по человѣческому разсужденію судей, а исключительно по вмѣщательству въ это дѣло промысла Божія. Господу Богу было угодно, чтобы проповѣдническая дѣятельность ап. Павла не прекратилась сейчасъ же послѣ первого судебнаго разбирательства. Нужно было, чтобы чрезъ апостола утвердилось благовѣстіе; чтобы сами узы апостола свидѣтельствовали о его проповѣднической дѣятельности, чтобы язычники, собиравшіеся въ Римъ со всѣхъ старонъ обширной римской имперіи, еще разъ слышали здѣсь торжественное исповѣданіе вѣры Христовой ап. Павломъ предъ избранными судьями при торжественной обстановкѣ. Ради этой-то цѣли и избавлялся апостолъ отъ «львиныхъ челюстей». И, въ то время, какъ другіе христіане, схваченные вмѣстѣ съ нимъ, были отведены въ циркъ и здѣсь отданы на растерзаніе звѣрямъ, ап. Павелъ по рѣшѣнію судей, въ виду его римскаго гражданства, былъ оставленъ въ живыхъ и отведенъ въ тюрьму на дальнѣйшее заключеніе.

Снова прибылъ апостолъ въ свое прежнее тюремное нынѣщіе и для него снова потекли безконечно долгіе вслѣдствіе однообразія и бездѣятельности дни; только одна молитва и размыипленія были въ распоряженіи апостола какъ средства сокращенія времени. Посѣщенія его христіанами, рѣдкія прежде, теперь сдѣлались еще рѣже. Съ одной стороны еще болѣе усиливаясь ихъ страхъ послѣ того какъ нѣкоторые изъ нихъ были отданы на гаsterзаніе звѣрямъ, съ другой—и стражка, приставленная къ апостолу, стала несравненно строже и суровѣе. Она увидала, что ап. Павелъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые и по суду достойны всевозможныхъ казней. Основываясь на этомъ, она сдѣлалась грубѣе въ обращеніи съ самими узникомъ и всячески стѣсняла приходившихъ навѣстить его. Онъ быть въ ея глазахъ не простымъ религіознымъ проповѣдникомъ, но злодѣемъ (2 Тим. 2, 9), преступникомъ противъ государственной религіи, государственного устройства и даже противъ самого государя. Такъ что нужно было относиться строго не только къ нему, но и ко всѣмъ тѣмъ, которые приходили къ нему, ибо и они принадлежали къ преступному обществу, къ числу опасныхъ людей. И вотъ ап. Павелъ одиноко проводитъ свое время въ мрачномъ и холодномъ тюремномъ заключеніи. Лишь св. Лука из-

рѣдка навѣщаєтъ его, приходя къ нему съ вѣстями о римскомъ христіанскомъ обществѣ, принося нужное для него и подарки для стражи и облегчая, какъ врачъ, его постоянные недуги.

Поводъ написанія второго посланія къ Тимоѳею.

Но для ап. Павла этого было слишкомъ мало. Ему было слишкомъ горько, что римское христіансое общество относится къ нему такъ холодно; онъ ждалъ проявленія любви болѣе горячей и выраженія преданности, доходящей до пощерствованія. Мысленно онъ чаше и чаше сталъ переноситься на востокъ, къ восточнымъ церквамъ, основаннымъ имъ. Положимъ онъ испытать тамъ немало огорченій, преслѣдований и даже побоевъ, но тамъ же онъ наслаждался общеніемъ съ самыми дорогими ему и любящими людьми. Вспомнились ему радушные филиппійцы, вспомнились и гостепріимные жители Троады. У Карна, жителя этого города, онъ оставилъ свою фелонь и разныя книги. Онъ намѣревался тогда скоро возвратиться и взять ихъ; но промышелъ Божій судить другое. Онъ сидѣть заключеннымъ въ римскую тюрьму и не только не можетъ прийти за этими венцами, но даже не имѣть возможности свободно двигаться по своему тѣсному заключенію. Между тѣмъ его фелонь была бы теперь для него весьма полезна; она защитила бы его отъ тюремной сырости и отъ холодного осенняго воздуха (2 Тим. 4, 21). А книги были еще дороже для одиночнаго узника. Конечно книги Св. Писанія могли бы принести ему и Лука, взявшему у кого-нибудь изъ римскихъ христіанъ, но лучше пользоваться своими собственными,—тѣмъ болѣе, что среди оставленныхъ имъ въ Троадѣ были вѣроятно и настолько рѣдкія, что ихъ нельзя было достать у римскихъ христіанъ (4, 13).

Но кто доставить ему ихъ изъ столь отдаленного мѣста, кого послать за ними?—Около него оставался лишь одинъ Лука безъ котораго нельзя было обойтись самому апостолу. Вѣрный и дѣятельный Титъ, оставивъ опасный для христіанскихъ проповѣдниковъ Римъ, пошелъ съ проповѣдью евангелия къ народамъ Далматіи; Крискенъ давно уже былъ въ Галатіи (2 Тим. 4, 10). А между тѣмъ апостоль зналъ, что тамъ, на востокѣ, у него есть вѣрный и преданный другъ, который еслибы узналъ, что его учитель въ чемъ-нибудь нуждается, постарался-бы какъ можно скорѣе удовлетворить этой нуждѣ.

Это былъ св. Тимоѳеъ, который плакалъ, когда апостоль отсыпалъ его отъ себя въ Ефесъ, который давно, особенно послѣ получения первого апостольскаго посланія, ждалъ къ себѣ его самого, но который теперь находился въ неизвѣстности относительно его положенія. Его-то и рѣшилъ ап. Па-

вель увѣдомить о своей судьбѣ, о своей нуждѣ и о своемъ желаніи видѣть его около себя, какъ преданного друга. Онъ пишетъ ему второе посланіе, а Пука отправляется это посланіе съ однимъ изъ христіанъ, отправляющіхся на востокъ.

Все посланіе отличается задушевностью и трогательностью. Оно есть какъ-бы нѣкоторое завѣщаніе отца, предвидящаго свою скорую кончину и желающаго высказаться предъ своимъ сыномъ. Ап. Павелъ пишетъ это посланіе «какъ апостолъ И. Христа, какъ отецъ для Тимоѳея,—пишетъ возлюбленному сыну, который всегда вспоминался ему, о которомъ онъ молился въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ и котораго онъ, особенно теперь, желалъ бы видѣть около себя. Онъ нуженъ ему, ибо печально его настоящее положеніе, и не на комъ остановиться его сердцу съ радостю и не съ кѣмъ вести утѣшительную бесѣду. Онъ, Тимоѳеи, несомнѣнно не такъ какъ другіе, не стыдится узъ апостола, ибо хорошо знаетъ, что эти узы и эти страданія достались ему за его ревностное исполнение заповѣди Господа, который послалъ его проповѣдывать языческимъ народамъ (I, 15—18). А положеніе апостола—узника дѣйствительно таково, что иныхъ можетъ испугать и оттолкнуть, а въ другихъ, какъ и въ немъ, Тимоѳѣѣ, возбудить глубокое состраданіе и подвигнетъ къ дѣятельному и любящему уходу за нимъ, за его страданіями и болѣзнями. Апостоль теперь становится жертвою, и время его отпіествія (смерти) уже настало. Во всю жизнь онъ подвизался подвигомъ добрымъ; онъ ревностно выполнялъ то, что ему было заповѣдано отъ Господа, призвавшаго его къ проповѣдничеству. (4, 6, 7). Въ этомъ возвышенномъ сознаніи святости своего дѣла апостоль прозираетъ вдали и видитъ себя, а равно и другихъ подобныхъ ему тружениковъ, уже награжденными отъ Господа, праведнаго Судіи, уготовавшаго вѣнецъ правды всѣмъ возлюбившимъ Его явленіе. (4, 8). Но такъ какъ и при этой утѣшительной надеждѣ на будущую награду душа апостола все-таки скорбитъ, и его тѣло немощное страдаетъ, то онъ просить资料 своего возлюбленного сына-ученика, Тимоѳея, прийти къ нему въ Римъ, прийти какъ можно скорѣе, если возможно то къ этой зимѣ, потому что ему самому неизвѣстно, что будетъ послѣ. Хотя Господь избавилъ его изъ львиныхъ челюстей, но этимъ самымъ однако не уничтожилъ возможности мученической кончины, а лишь отодвинулъ ее на нѣсколько времени далѣе. Апостоль надѣется, что Господь избавить его и на будущее время отъ всякаго зла, отъ дурнаго поступка, чрезъ который онъ оказался бы невѣрнымъ рабомъ своего Господина, но соблюдетъ его достойнымъ Своего небеснаго царства (4, 18). Но на долгое продолженіе этой земной жизни онъ уже не надѣется: время отпіествія его настало (4, 6).

Пребытіе въ Римъ св. Тимоѳея.

Лишь только св. Тимоѳея получилъ это сердечное апостольское посланіе, какъ сейчасъ же поспѣшилъ выполнить все, о чёмъ просилъ его узникъ—учитель. Прочитавъ апостольское посланіе предъ ефесскими христіанами и давъ имъ временный наставленія, онъ быстро пустился въ путь, въ Римъ. Вмѣстѣ съ Маркомъ, который былъ при Тимоѳеѣ въ Ефесѣ, онъ зашелъ сначало въ Троаду, взялъ здѣсь у Карпа апостольскую фелонь и кожанныя книги и на одномъ изъ торговыхъ кораблей направился въ Италию. Апостола Павла онъ напечать въ самомъ печальному положеніи. Тюремное заключеніе длилось уже давно; оно окончательно измучило и безъ того слабаго тѣломъ старца — узника. Обращеніе съ нимъ стражи становилось суроѣ и грубѣе по мѣрѣ того какъ ей болѣе и болѣе надоѣдало наблюдать за однимъ и тѣмъ-же неинтереснымъ узникомъ, и по мѣрѣ того, какъ денежные подарки со стороны римскихъ христіанъ, истощаясь, становились менѣше и рѣже. Поэтому прибытіе въ Римъ св. Тимоѳея было въ высшей степени утѣшительно для ап. Павла. Но крайней мѣрѣ онъ теперь имѣть при себѣ дорогого собесѣдника, предъ которымъ могъ изливать и свои душевныя скорби и сердечныя радости. Онъ скорбѣлъ предъ Тимоѳеемъ о холодности римского христіанскаго общества, о тѣхъ, которые возлюбили болѣе нынѣшній вѣкъ, чѣмъ дѣло христіанской проповѣди и жизнь по вѣрѣ и любви. Но онъ и радовался, слушая его разсказы объ успѣхахъ христіанской проповѣди на востокѣ, о добрыхъ христіанскихъ подвижникахъ, о постепенномъ нравственно-христіанскомъ совершенствованіи ефесского общества, слушая о томъ впечатлѣніи, которое произвело на ефесянъ его послѣднее посланіе изъ Рима.

Чрезъ Тимоѳея ап. Павель старался воздѣйствовать нѣсколько на упавшій духъ римскихъ христіанъ, укрѣпить, ободрить и утѣшить колеблющихся въ вѣрѣ и внушить имъ твердо держаться того, что они приняли отъ ап. Петра и Павла. Но недолго могъ служить Тимоѳеѣ при ап. Павлѣ, недолго, сравнительно, онъ навѣщать его въ темницѣ и читать съ нимъ его кожанныя книги. Онъ оставилъ ефесское общество только лишь на короткое время. Апостоль чрезъ него знать, что религіозно-нравственное состояніе ефесянъ не особенно надежно; тамъ было много «инакоучащихъ», а въ будущемъ ихъ предвидѣлось еще болѣе. Необходимо, такимъ образомъ, чтобы тамъ въ Ефесѣ быть всегда на стражѣ опытный и вѣрный служитель Христовой истины, необходимо, чтобы Тимоѳей возвратился туда и остался тамъ навсегда. Ап. Павель, который прежде самъ послалъ того же Тимоѳея въ Ефесѣ, не смотря на его слезы, отослалъ его и теперь изъ Рима, лишь только успѣль утѣшиться его прибытіемъ, получениемъ чрезъ него

нужныхъ вещей, его известиями и обещаниемъ съ нимъ.—Окончательно простиившись съ нимъ и получивъ отъ него послѣдня наставлениа и послѣднее благословеніе, Тимоѳеи оставилъ ап. Павла, навсегда удалившись изъ Рима: какъ апостолъ, такъ и Тимоѳеи твердо вѣрили, что имъ не придется встрѣтиться на землѣ,—эта встреча возможна только на небѣ—въ царствѣ воскресшаго и вознесшагося Господа И. Христа.

Осужденіе ап. Павла на казнь.

Дѣйствительно предчувствіе ап. Павла и Тимоѳея не обмануло ихъ. Все предвѣщало апостолу скорый конецъ и его судебному процессу и его земной жизни.—Гелій и Поликлетъ, управлявшіе Римомъ во время отсутствія императора Нерона, запустивше много дѣлъ, преслѣдуя свои личные интересы, теперь готовились отдать свою власть имѣющему вскорѣ прибыть въ Италію императору. Имъ важно было, чтобы къ этому его возвращенію римское управление и судопроизводство не представляло ни упущеній, ни нерѣшенныхъ дѣлъ, ни неразобранныхъ жалобъ. Къ числу такихъ принадлежало и дѣло ап. Павла. Жалоба на него была подана уже давно, и его обвинители съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы назначенъ былъ день вторичнаго судебнаго разбирательства. А такъ какъ, кроме того, они особенно настаивали на обвиненіи ап. Павла въ оскорблении величества, то Гелію и Поликлету нужно было скорѣе отѣлаться отъ этого судебнаго процесса. Иначе обвинители могли жаловаться самому императору и Гелій и Поликлетъ оказались бы виновными за мнимое покровительство личному врагу императора. Но это было болѣе чѣмъ нежелательно для нихъ. Поэтому они, получивъ жалобу обвинителей Павла на медленность судопроизводства, взяли это дѣло на собственное усмотрѣніе.

Гелій и Поликлетъ, отличавшиеся по свидѣтельству историковъ жестокостію и презрѣніемъ къ правосудію и справедливости, отдали приказаніе казнить ап. Павла безъ всякаго предварительнаго судопроизводства; а свое вниманіе къ его римскому гражданству выразили въ назначеніи ему смертной казни чрезъ усѣченіе мечомъ, а не чрезъ распятіе или растерзаніе звѣрьми.—29 июня 68 г. Геліемъ и Поликлетомъ было отдано приказаніе префектамъ Мегисту и Лонгику и центуріону Ацеству отвести ап. Павла на остійскую дорогу и тамъ обезглавить его,—такъ повѣствуютъ объ этомъ, такъ называемые «Акты Павла». Воины вывели узника изъ преторианской тюрьмы, въ которой такъ долго пришлось пробывать ему. Въ продолженіи длиннаго пути около апостола, шедшаго въ сопровожденіи значительной стражи воиновъ, собралась большая толпа любопытныхъ, которые или изъ-за предстоящаго

зрѣлища смертной казни, никакъ не интересуясь ни самимъ ап. Павломъ, ни тѣмъ дѣломъ, за которое его влекли на казнь. Но были здѣсь и христіане, которые шли по сочувству къ ап. Павлу. Къ числу такихъ принадлежала одна женщина Плавтилія, у которой ап. Павель просилъ себѣ платокъ, чтобы закрыть имъ себѣ глаза предъ своею казнию. Видя вокругъ себя большую толпу народа, а среди нея нѣкоторыхъ знакомыхъ христіанъ, и считая это время весьма удобнымъ для преподанія наставленія христіанамъ и для произведенія глубокаго впечатлѣнія на сердца язычниковъ, ап. Павель началъ возвышенную богодохновенную проповѣдь о распятіи и воскресшемъ Господѣ. Онъ говорилъ о царствѣ Христовомъ, о царствѣ небесномъ, говорилъ о воскресеніи мертвыхъ и о судѣ надъ всѣми людьми. Эта проповѣдь была произнесена съ такимъ воодушевленіемъ и силою, что многіе изъ толпы увѣровали въ И. Христа и предлагали апостолу вырвать его изъ рукъ стражи и дать возможность спастись бѣгствомъ. Но апостоль не согласился на это предложеніе. Онъ зналъ, что теперь именно насталъ часъ его смерти, и, зная, радовался. Онъ говорилъ провожавшимъ его начальникамъ, что онъ не убѣжитъ уже по одному тому, что считаетъ себя честнымъ воиномъ своего Господа, и надѣется получить отъ Пего вѣнецъ за свою вѣрность ему до конца.

Между тѣмъ не получая долго извѣстія о совершившейся казни, управители, Гелій и Поликлеть, послали, воиновъ, Параснія и Ферита, узнать, что за причина такого замедленія. Эти пришли и потребовали отъ сопровождавшей апостола стражи посѣщить исполненіемъ приказанія. Тогда, остановившійся было во время своей проповѣди апостоль долженъ былъ тронуться далѣе и уже нѣсколько скорѣе пройти остатальной путь. Достигши назначенного мѣста казни, ап. Павель обратился лицемъ къ востоку, произнесъ по-еврейски молитву, благословилъ толпившихся около него христіанъ, завязалъ глаза платкомъ. Плавтилія, преклонила колѣна и подставила голову подъ мечъ. Палачъ обезглавилъ его. Голова, отдѣленная отъ туловища, произнесла еще довольно ясно имя И. Христа, а изъ перерубленной шеи, по свидѣтельству И. Златоуста, Амвросія и «Актовъ Павла», потекла сначала молочная струя, а потомъ и кровь. Когда хотѣли снять съ глазъ апостола повязку, то она внезапно исчезла; и послѣ ее видѣли у той же Плавтиліи, которая увѣряла, что самъ апостоль, явившись ей въ сопровожденіи ангеловъ, возвратилъ ей ея платокъ.—Такъ разсказываютъ намъ «Акты Павла» о послѣднихъ минутахъ жизни св. ап. Павла.

Послѣдующее церковное преданіе также подтверждаетъ фактъ обезглавленія апостола на Остійской дорогѣ. Церковный писатель Кай, жившій при римскомъ епископѣ Зефиринѣ, говоритъ: «я могу показать тебѣ трофеи апостоловъ,—

чириди только на Остийскую дорогу» (Истор. Евс. 2, 25). Впослѣдствіи мѣсто казни ап. Павла стало называться „водами спасенія“, такъ какъ многіе получали здѣсь исцѣленія недуговъ; а иногда называлось „тремя источниками“, каковое название произошло, какъ говорять, вслѣдствіе того, что эти источники возникли изъ троекратнаго скачка отрубленной головы ап. Павла.

Реликвій ап. Павла.

Останки казненнаго ап. Павла, по свидѣтельству Свят. Преданія, присутствовавшими при казни христіанами были перенесены въ одинъ изъ ровъ, которые тянулись по сторонамъ Остийской дороги. Здѣсь въ несаночномъ грунѣ было выкопано ими небольшое углубленіе, и въ него было положено тѣло ап. Павла, — можетъ быть съ намѣреніемъ, по успокоеніи пароднаго возбужденія по поводу казни, перенести въ болѣе безопасное и почетное мѣсто. Узнавши о казни апостола, съ востока пришли какіе-то неизвѣстные люди. Они намѣревались взять останки ап. Павла и перенести ихъ на востокъ, какъ его родину. Но въ то время, какъ они, пользуясь ночнымъ временемъ, принялись за выполненіе своего намѣренія, разразилась страшная гроза. Трескъ грома и блескъ молніи разбудилъ иѣкоторыхъ христіанъ, жившихъ недалеко отъ мѣста временнаго погребенія останковъ апостола; они увидали людей, что-то конавшихъ, и по ихъ спѣшному бѣгству догадались о ихъ замыслѣ. Поэтому было решено перенести св. останки апостола въ катакомбы и такимъ образомъ обезопасить ихъ на будущее время отъ похищенія. Эти катакомбы, въ которыхъ покончилъ и останки ап. Петра, находились между Остийской и Аппіевою дорогами, гдѣ надъ ними впослѣдствіи была выстроена базилика Себастіана. Царя Корнелія (252 г.) по проосьбѣ одной уважаемой женщины разрѣшили вынести тѣла обоихъ апостоловъ изъ катакомбъ. Тѣло ап. Павла было взято блаж. Луцианной и положено въ ся имѣніи при Остийской дорогѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ былъ обезглавленъ. Въ 315 году Константинъ Великій по проосьбѣ папы Сильвестра для останковъ ап. Павла построилъ особую базилику.

Прот. Н. Орловъ.